СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

МЛАДШІЙ ВОЗРАСТЪ.

ОКТЯБРЬ 1869 ГОДА.

Выпускъ 50

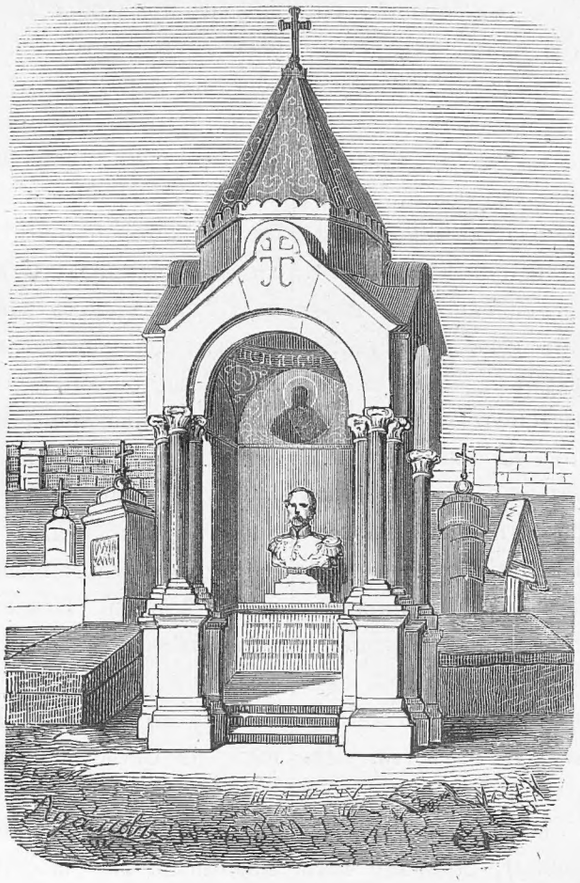
То зеркало лишь хорошо, которое вѣрно отражаетъ.

ВОСПОМИНАНІЯ О ПУТЕШЕСТВІИ ВЪ КРЫМЪ.

(Изъ записокъ г-жи N).

Болѣзнь сына нашего Володи принудила насъ предпринять, по совѣту докторовъ, поѣздку на югъ Россіи. Доктора говорили, что теплый климатъ поправитъ здоровье мальчика, единственнаго, которымъ благословилъ насъ Господь, и мы съ мужемъ рѣшились ѣхать въ Крымъ, который и безъ того давно уже манилъ насъ къ себѣ.

Весна 185* года была благодатная и мы выѣхали изъ Тамбова при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ: погода стояла теплая, хорошая, дороги были сухи и потому ѣхать по



Памятникъ на Севастопольскомъ кладбищѣ (см. стр. 374).

нимъ было легко и покойно, что было чрезвычайно важно для ребенка, который при самомъ маленькомъ толчкѣ принимался плакать ужаснѣйшимъ образомъ.—Мы ѣхали не торопясь, въ двухъ экипажахъ, на ночь останавливались на станціяхъ. Такимъ образомъ доѣхали мы до Одессы, гдѣ взяли мѣста на пароходѣ до Ялты (городъ расположенный на южномъ берегу Крыма); тамъ мы намѣревались пробыть нѣкоторое время, дѣлая прогулки по окрестностямъ, и затѣмъ уже посѣтить Севастополь. Но вышло

иначе: мой мужъ плохо переносилъ путешествіе по морю; его сильно мучила морская болѣзнь, поэтому онъ былъ радъ, когда пароходъ, на которомъ мы ѣхали, завернулъ въ Севастопольскую бухту; здѣсь онъ настоялъ, чтобы мы вышли на берегъ и ни за что не хотѣлъ продолжать путешествіе на пароходѣ.

Вслѣдствіе этого мы волей неволей должны были начать наше путешествіе по Крыму съ Севастополя, чему впрочемъ я была рада. Мнѣ давно хотѣлось видѣть тотъ городъ, который, храбростью и самопожертвованіемъ своихъ героевъ-защитниковъ, устоялъ цѣлые одиннадцать мѣсяцевъ противъ союзной непріятельской арміи. Я была нетерпѣлива видѣть тѣ мѣста, на которыхъ обезсмертили себя русскія войска.

И такъ, мы остались въ Севастополѣ и пріютились въ одномъ изъ бараковъ, наскоро сколоченныхъ, почти на самомъ берегу моря, и носившихъ названіе гостинницъ. Это было вскорѣ послѣ войны. Содержатель французъ кормилъ насъ изрядно и подавалъ необыкновенно вкусный шоколадъ. Такого чудеснаго шоколаду мнѣ нигдѣ не случалось пить, ни прежде, ни послѣ. Изъ блюдъ многія мы ѣли въ первый разъ, такъ напримѣръ „миди“. Это какія-то ракушки, наполненныя вареннымъ рисомъ и слѣпленныя по двѣ вмѣстѣ. Ничего особеннаго на вкусъ.

Что сказать о Севастополѣ?.. Немного лѣтъ прошло со времени его осады, и онъ все еще не могъ поправиться и снова возстать изъ пепла.— Дома—превратившіеся въ груды камней, улицы — заваленныя и засыпанныя мусоромъ и обломками, красивѣйшія зданія, когда-то составлявшія лучшее украшеніе города, взорванныя на воздухъ, все это, вмѣстѣ взятое, не могло не производить потрясающаго, грустнаго, тяжелаго чувства. Слѣдовъ прежняго величія и прежней красоты не осталось никакихъ: доки (мѣста, въ которыхъ строились корабли), стоившіе такъ дорого и по истинѣ знаменитые своей величавой красотой, взорваны на воздухъ, такъ что отъ нихъ осталась одна только груда камней; четыре могучихъ укрѣпленія, Александровское, Николаевское, Константиновское и Михайловское, защищавшія входъ въ Севастопольскую бухту, подверглись той же участи: — отъ нихъ не осталось другихъ слѣдовъ, кромѣ каменьевъ, лежащихъ на каменьяхъ.— Находившіеся на южной сторонѣ Севастополя, библіотека и прекрасный бульваръ преданы сожженію; корабли наши, составлявшіе славу черноморскаго флота, затоплены и только верхушки мачтъ выглядывали изъ воды, умоляя какъ будто о пощадѣ и помощи. Нѣкогда грозныя укрѣпленія, служившія защитою для нѣсколькихъ десятковъ тысячь русскихъ солдатъ, сбиты и разрушены...

Понятно, что все это не могло произвести пріятнаго впечатлѣнія, но, рядомъ съ тѣмъ горькимъ чувствомъ, которое подымалось у каждаго при видѣ севастопольскихъ развалинъ, было другое чувство болѣе пріятное: чувство народной гордости. — Каждый разрушенный домъ, каждый камень или обломокъ говорилъ, что на этомъ мѣстѣ происходила страшная, ожесточенная борьба на жизнь и смерть, борьба, въ которой никто изъ сражающихся не хотѣлъ уступить, и по настоящему никто и не уступилъ, такъ какъ непріятель, овладѣвъ оставленной нашими войсками южной стороной Севастополя, не пошелъ далѣе и держался на прежнемъ мѣстѣ, пока совсѣмъ не отплылъ изъ Крыма.

Съ сентября 1854 года по августъ 1855 продолжалась осада Севастополя. Разбивъ наши малочисленныя сравнительно войска подъ Альмой, 8 сентября 1854 года, непріятельская союзная армія (въ ней были французы, англичане и турки), двинулась къ югу и, перейдя Черную рѣчку (впадающую въ Севастопольскую бухту), обогнула южную сторону Севастополя и обложила ее съ двухъ сторонъ, расположившись на окружающихъ его высотахъ. Со стороны же моря стоялъ непріятельскій флотъ. Въ это время Севастопольскій гарнизонъ состоялъ

большею частью изъ морскихъ командъ кораблей; сами же корабли были употреблены на то, чтобы загородить входъ въ бухту. Со слезами на глазахъ глядѣли черноморцы на то, какъ ихъ кораблями, на которыхъ они столько лѣтъ плавали, загорожали бухту, но дѣлать было нечего: — воодушевляемые своими любимыми начальниками, адмиралами Корниловымъ, Нахимовымъ, Истоминымъ и другими, черноморцы пошли на бастіоны (родъ землянаго укрѣпленія) и ретиво принялись за исполненіе обязанностей сухопутной службы, раздѣляя труды и опасности съ нѣкоторыми солдатами. Съ юго-восточной стороны, противуположной морю, Севастополь не былъ укрѣпленъ, такъ какъ трудно было предположить оттуда какое-либо нападеніе; тутъ-то явилась на помощь къ Севастопольскому гарнизону богато одаренная натура и замѣчательный умъ инженернаго полковника Тотлебена, который своей изобрѣтательностью, находчивостью и храбростью сдѣлалъ то, что въ весьма короткое время Севастополь былъ окруженъ рядомъ земляныхъ укрѣпленій, за которыми могли скрываться войска гарнизона. Точно также храбры, энергичны и распорядительны были остальные начальники и солдаты.

Адмиралъ Владиміръ Алексѣевичъ Корниловъ, бывшій въ то время начальникомъ штаба Севастопольскаго гарнизона, показывалъ собою примѣръ неустрашимости: онъ являлся всюду, гдѣ только было нужно его присутствіе, не смотря на пули и ядра, которыя градомъ сыпались изъ непріятельскихъ орудій, воодушевлялъ солдатъ и поддерживалъ въ нихъ храбрость и бодрость духа. Тоже дѣлали его товарищи по службѣ, адмиралы Нахимовъ и Истоминъ. Ихъ можно было встрѣтить тамъ, гдѣ было всего опаснѣе. Но имъ не суждено было дождаться конца осады. Первые защитники Севастополя, они всѣ трое легли на его укрѣпленіяхъ: Корниловъ былъ убитъ 13 октября 1854 г., за нимъ, черезъ нѣсколько времени, послѣдовалъ Нахимовъ, а затѣмъ умеръ отъ полученной раны и Истоминъ.

Въ бытность нашу въ Севастополѣ мы видѣли стараго моряка, который, со слезами, разсказывалъ намъ о кончинѣ этихъ трехъ героевъ, любимѣйшихъ начальниковъ Черноморскаго флота. Тѣла Корнилова, Нахимова и Истомина, погребены на южной сторонѣ Севастополя рядомъ съ тѣломъ адмирала Лазарева, которому черноморскій флотъ былъ обязанъ своимъ блистательнымъ развитіемъ, а Севастополь своимъ процвѣтаніемъ. Ни одинъ путешественникъ, посѣтившій Севастополь, не уѣзжалъ безъ того, чтобы не побывать на такъ называемой „*могилѣ адмираловъ*.“

Въ началѣ 1855 года Севастопольскій гарнизонъ значительно увеличился; на „Сѣверной сторонѣ“ и прилегающихъ къ ней Инкерманскихъ высотахъ стояла Крымская армія, подъ начальствомъ главнокомандующаго, князя Михаила Дмитріевича Горчакова. Сухопутныя наши войска раздѣляли труды по защитѣ съ моряками и ни въ чемъ не уступали имъ. Но въ то же время увеличилась и непріятельская армія, такъ что защитникамъ осажденнаго города была также трудно, какъ и въ началѣ.

Описывать всѣ чудеса храбрости, которыя оказывали русскіе солдаты, чрезвычайно трудно, потому что заняло бы слишкомъ много мѣста; но разсказы объ этихъ подвигахъ долго еще переходили изъ устъ въ уста и передавались самими участвующими съ такою простотою, что видно было, что эти люди считали свои геройскіе подвиги вещью совершенно обыкновенною, не придавали имъ никакого значенія. Когда же рѣчь шла о храбрости генераловъ и начальниковъ, то глаза разскащиковъ разгорались и въ ихъ словахъ слышны были гордость и чувство собственнаго достоинства.

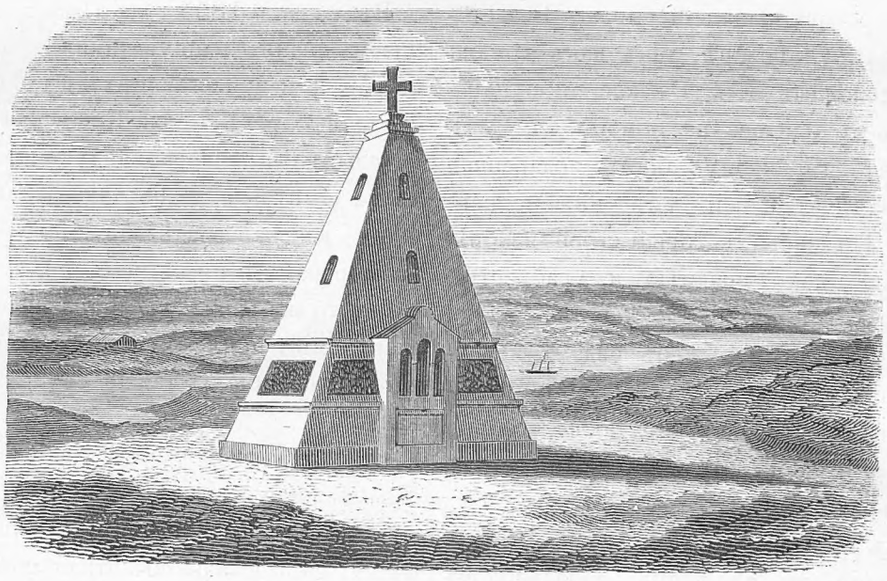
Солдаты любили князя Горчакова и причисляли его къ числу самыхъ храбрыхъ; таково было также мнѣніе о русскомъ главнокомандующемъ и непріятелей нашихъ:—всѣ отдавали ему должное, никто не думалъ

*

упрекнуть его за то, что онъ рѣшился наконецъ, послѣ 11-ти мѣсячной осады, покинуть южную сторону Севастополя 27-го августа 1855 года. Всякій понималъ, что держаться долѣе было бы невозможно и даже вредно, потому что ежедневно цѣлыя тысячи нашихъ солдатъ были убиваемы или тяжело ранены, безъ всякой отъ этого пользы. Впослѣдствіи, князь Горчаковъ былъ назначенъ, по волѣ государя, царскимъ намѣстникомъ въ Варшаву, гдѣ онъ черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. Передъ кончиной онъ изъявилъ желаніе быть похороненнымъ на кладбищѣ на сѣверной сторонѣ Севастополя, гдѣ хоронили всѣхъ погибшихъ при осадѣ.

Какъ ни грустенъ конецъ крымской войны, но она займетъ свѣтлое мѣсто въ исторіи русскаго народа, вслѣдствіе неимовѣрной храбрости и удивительной терпѣливости нашихъ солдатъ; храбрость и терпѣніе эти признаютъ даже наши непріятели, они всѣ повторяютъ, въ одинъ голосъ, что „храбрѣе русскаго солдата нѣтъ.“

Такія же были наши чувства и мысли, когда мы слушали разсказы объ этой осадѣ на самомъ мѣстѣ происшествія, гдѣ всякій пунктъ, всякая развалина, служили живымъ доказательствомъ этихъ разсказовъ.



Могила адмираловъ (стр. 373).

Трогательное и вмѣстѣ съ тѣмъ величественное зрѣлище представляетъ это общее кладбище, украшенное простымъ памятникомъ, подъ которымъ лежитъ старикъ князь, рядомъ со своими сотоварищами по геройской защитѣ. Невозможно пройти мимо этого кладбища, точно также, какъ и мимо „могилы адмираловъ“, безъ особеннаго умиленія: невольно какъ-то преклоняешься передъ этими извѣстными и неизвѣстными героями, своею грудью отстоивавшими, въ теченіи 11-ти мѣсяцевъ, Севастополь.

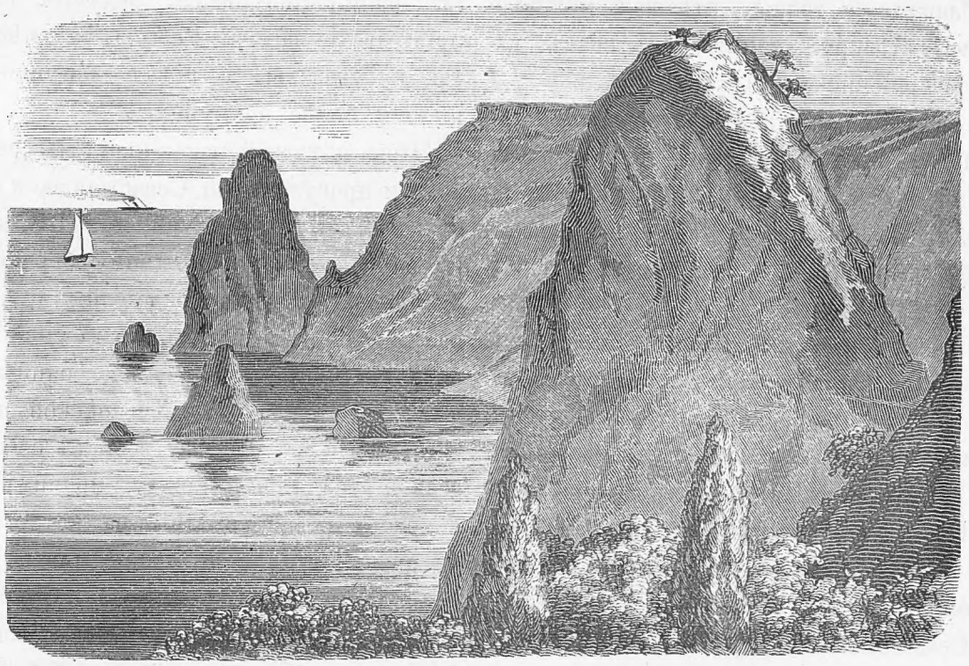
— Миръ праху вашему, герои земли русской! Спите покойно сномъ непробуднымъ и знайте, что русскій народъ никогда не забудетъ васъ.

Въ то время, въ которое мы были, жизнь въ Севастополѣ начинала по немногу принимать прежній характеръ. Какой-то грекъ открылъ лавочку и продавалъ въ ней всякую всячину, вѣроятно даромъ доставшуюся ему послѣ ухода союзниковъ. Тамъ были карты, планы и книги, кэпи, сабли, чубуки, но больше всего было жестянокъ съ разными кушаньями, оставшіяся въ множествѣ отъ французовъ. Ломанымъ русскимъ языкомъ предлагалъ онъ

намъ свой гастрономическій товаръ: въ одной банкѣ, говорилъ онъ, были „годелеты“, въ другой „чичина“, и т. д. Первое мы перевели словомъ „котлеты“, но относительно втораго недоумѣвали: была ли это „ветчина“, или, быть можетъ „дичина“. Такъ и осталась эта загадка неразрѣшенною.

Въ 12 верстахъ отъ Севастополя, лежитъ Георгіевскій монастырь, который намъ совѣтовали непремѣнно посѣтить, вслѣдствіе его необыкновеннаго мѣстоположенія.

Мы наняли извощика и поѣхали.



Видъ берега у Георгіевскаго монастыря въ Крыму.

Дорога шла по мѣстности, совершенно открытой, плоской и однообразной, вплоть до монастыря.

Намъ встрѣчались разрушенные хутора и холмы батарей.

Съ одной стороны видна Камышевая бухта, гдѣ жили французы, съ другой кладбище, гдѣ они хоронили своихъ убитыхъ, похожее на маленькую деревеньку, опрятно содержимую.

Доѣхавъ до самой монастырской стѣны, мы все еще не видѣли ничего особеннаго,— съ удивленіемъ осматривались, и начинали досадовать, думая, что насъ обманули.

Передъ нами была дверь въ какое-то монастырское зданіе, кругомъ ни души. Отъ нечего дѣлать мы вошли въ эту дверь, прошли длинный и темный корридоръ и выйдя изъ него, остановились, пораженные удивительною картиной, такъ внезапно и такъ неожиданно появившейся у нашихъ ногъ: —мы увидѣли открытое море. Небольшою бухтой вдалось оно въ землю и сильно волновалось у подножья гигантскихъ скалъ, самаго грознаго и величественнаго вида, окаймлявшихъ эту бухту и служившихъ, какъ бы рамою для грандіозной картины.

За три тысячи лѣтъ до настоящаго времени, Крымъ назывался Колхидой, а самый высокій изъ этихъ утесовъ — мысъ Фіолентъ или Бортеніумъ. На немъ возвышалось тогда капище Юноны, а въ то время, когда мы смотрѣли на этотъ, нѣкогда священный утесъ, по немъ преспокойно и очень ловко карабкалась бѣлая коза, вѣроятно изъ монастырскаго стада. Въ подошвѣ утеса чернѣлась пещера,

промытая волнами въ гранитѣ. Много вѣковъ потребовалось имъ для этой работы! Есть преданіе, что въ этой пещерѣ спасался отъ преслѣдованій Фурій, сынъ Агамемнона, Орестъ съ своимъ другомъ Пиладомъ, до тѣхъ поръ, пока не избавилъ сестры своей Ифигеніи.

Спускъ къ морю отъ монастыря крутъ и идетъ уступами. По камнямъ и скаламъ растутъ кой-гдѣ низенькіе кипарисы, персики и миндальныя деревья. Весь этотъ видъ невольно напоминаетъ картины Айвазовскаго.

День клонился къ вечеру, небо подернулось облаками и волны, отражая мрачный цвѣтъ неба и окружающихъ ихъ скалъ, казались совершенно черными.

Это мѣсто, говорятъ, очень опасно для мореходцевъ и ни одно судно не проходитъ мимо, не отсалютовавъ ему. Такъ думаютъ въ народѣ. Но эти салюты дѣлаются вѣроятно въ честь обители, а не въ честь опаснаго мѣста.

У входа въ монастырскій огородъ, была прибита дощечка съ надписью на французскомъ языкѣ, которой запрещалось французскимъ солдатамъ самовольно входить въ огородъ и вообще чѣмъ бы то ни было тревожить иноковъ. Поступокъ этотъ доказывалъ то уваженіе, которое имѣли къ монастырю начальники непріятельской арміи.

Въ Севастополь вернулись мы довольно поздно вечеромъ. На пристани играла музыка, точно на похоронахъ умершаго города.

На обратномъ пути насъ по временамъ обдавало нестерпимо дурнымъ запахомъ, въ особенности въ такъ называемыхъ балкахъ, или лощинахъ, гдѣ нѣтъ никакого движенія воздуха. Вечеръ былъ теплый и совершенно тихій. Извощикъ объяснилъ намъ, что въ этихъ мѣстахъ хоронили убитыхъ, трупы продолжали разлагаться и издавали нестерпимый запахъ.

На другой день мы предприняли поѣздку въ Балаклаву, лежащую не вдалекѣ отъ Севастополя, которая была главнымъ мѣстопребываніемъ англичанъ, послѣдовавшихъ за своей арміей.

Еще видѣли мы развалины стариннаго замка, принадлежавшаго какой-то греческой царевнѣ, и попали къ обѣднѣ въ греческую церковь. Въ числѣ немногихъ молящихся, были здѣсь двое-трое стариковъ-грековъ изъ числа тридцати, составлявшихъ гарнизонъ Балаклавы, во время высадки англо-французскихъ войскъ.

Отъ пристани были положены рельсы, по которымъ очень легко и удобно развозили боевые и съѣстные припасы до того мѣста, гдѣ начинается шоссе, ведущее въ оба непріятельскіе лагеря. Рельсы, разумѣется, сняты и увезены, а шоссе запущено, какъ никому болѣе не нужное.

Этою поѣздкой закончили мы рядъ поѣздокъ и прогулокъ по Севастополю и его окрестностямъ и на слѣдующее утро двинулись по направленію къ южному берегу Крыма. Татаринъ съ длинною фурой (другихъ экипажей для путешественниковъ не было) нанятъ былъ заблаговременно, нашелся и попутчикъ, помѣщикъ Херсонской губерніи. Онъ ѣхалъ изъ Одессы, везъ съ собою много всякой всячины и между прочимъ, цѣлый чемоданъ обоевъ, сидѣть на которыхъ было не очень мягко и не очень пріятно.

Выѣхавъ изъ Севастополя и проѣхавъ небольшое пространство степью, мы вскорѣ очутились въ мѣстности, покрытой богатой растительностью. Это была Байдарская долина. Здѣсь же мы имѣли первый нашъ ночлегъ, въ татарской деревнѣ, на жидовскомъ постояломъ дворѣ.

Такъ какъ это было въ пятницу, наканунѣ шабаша, то комнаты были прибраны, полы вымыты и въ домѣ вообще показалось намъ довольно опрятно, а главное — не было того противнаго запаха, которымъ отличаются жилища евреевъ польскихъ и бѣлорусскихъ.

Хозяина не было дома, мы застали одну только хозяйку. Она сидѣла у большаго сто-

ла, покрытаго бѣлой скатертью и читала. На столѣ стоялъ большой мѣдный шандалъ, въ которомъ горѣло нѣсколько свѣчей.

Для ночлега хозяйка предложила намъ свою постель, но мы предпочли лечь на сѣнѣ, которое принесли въ комнату, разостлали на полу и покрыли ковромъ и простынями. Устроившись такимъ образомъ, да еще разсыпавъ на нашу походную постель порядочное количество персидскаго порошка, мы провели ночь довольно хорошо.

Спутнику нашему захотѣлось понѣжиться на мягкихъ еврейскихъ перинахъ. Но, увы! не успѣлъ онъ заснуть, какъ на него напали цѣлыя миріады разныхъ насѣкомыхъ. Онъ вскочилъ, зажегъ свѣчу и облокотясь на столъ, въ сидячемъ положеніи, кое-какъ продремалъ до утра.

Слѣдующее утро было теплое и тихое, небо слегка подернулось рѣдкими облачками, погода сѣренькая. Чаю намъ подали на балкончикъ, устроенный совершенно на курьихъ ножкахъ; затѣмъ мы поѣхали далѣе.

Послѣ часовой ѣзды, когда дорога круто поворачиваетъ на лѣво, мы очутились вдругъ передъ огромною каменною аркой, или каменными воротами. Это были Байдарскіе ворота, которыми кончается Байдарская долина и начинается южный берегъ Крыма.

Проѣхавъ эти ворота, мы изумились еще болѣе, когда увидѣли передъ собою море, близость котораго и не подозрѣвали. Картина была по истинѣ великолѣпная: мы вышли изъ экипажа и съ благоговѣніемъ глядѣли на окружавшую насъ величественную природу.

Слѣва у насъ были высокія горы, покрытыя богатою растительностью, были и скалы, и обнаженные утесы, цвѣта чернаго, сѣраго, бураго и красноватаго. Справа, дорога наша, весьма не широкая, круто обрывалась, и мѣстность, все такъ же густо поросшая кустарниками и деревьями, постепенно понижаясь, шла къ морю... Между кустарниками виднѣлись тамъ и сямъ обломки скалъ, иногда очень громадные; они отрывались отъ вершинъ и скатывались внизъ.

Множество ручейковъ прекрасной, студеной воды безпрестанно пересѣкали дорогу. Въ иныхъ мѣстахъ они были задерживаемы въ каменныхъ бассейнахъ, но затѣмъ они бѣжали далѣе. На нѣкоторыхъ изъ этихъ бассейновъ былъ изсѣченъ годъ ихъ построенія.

Горы по временамъ загораживали намъ дорогу, такъ что мы принуждены были объѣзжать ихъ.

Довольно интересно было также смотрѣть на небольшое сѣренькое облачко, которое стояло неподвижно надъ моремъ и сообщалось съ нимъ длиннымъ столбомъ водяныхъ паровъ. Потомъ это облачко разрослось, потемнѣло и тяжело поползло по горамъ, медленно подымаясь вверхъ.

Въ полдень мы остановились около небольшой солдатской казармы, чтобы дать отдохнуть лошадямъ, а самимъ позавтракать. Люди всѣ были на работѣ, оставался лишь одинъ старый кашеваръ.

— Здорово, старинушка,— заговорилъ съ нимъ мой мужъ.—Славно тебѣ жить здѣсь, смотри какая благодать!

— Какая, сударь, благодать?!. Что тутъ хорошаго вы нашли? Горы, да море, вотъ и все, — выхода нигдѣ не видно. Ужь и не чаешь, когда Господь отсюда вынесетъ.

— А откуда ты родомъ, служба?

— Изъ Орловской губерніи. То ли дѣло у насъ: ширь да гладь — вотъ божья благодать. А здѣсь что?.. Вотъ за этими и пташкѣ никакой здѣсь житья нѣтъ.

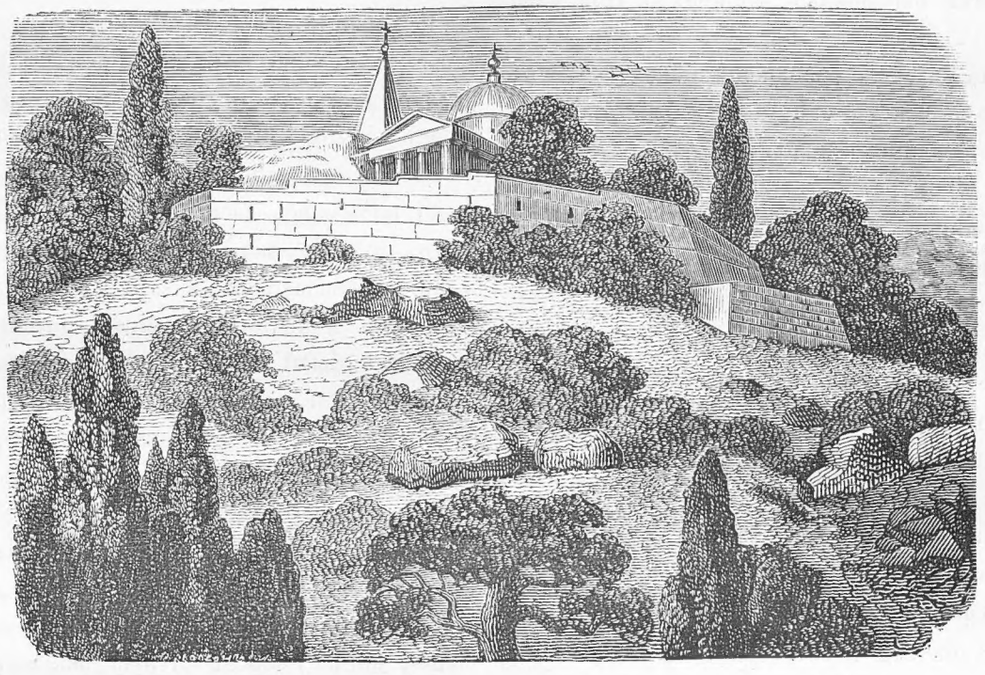
Тутъ онъ выразительнымъ жестомъ и съ большимъ негодованіемъ указалъ на орла, сидѣвшаго на одной изъ ближайшихъ вершинъ. Потомъ, указавъ на огромный камень, лежавшій возлѣ самаго домика, продолжалъ:

— А это, вы думаете, что?.. На самое свѣтло Христово Воскресенье чуть живы остались. Только сѣли было разговляться,

вдругъ какъ зашумитъ, да застучитъ; выскочили вонъ изъ избы, ни живы, ни мертвы... глядимъ, а онъ лежитъ подъ самымъ угломъ, на волосокъ не задѣлъ, а то ужь быть бы бѣдѣ. Сорвался, вишь, съ верху, да и скатился. Вотъ и живи тутъ какъ знаешь.

Къ вечеру того же дня мы прибыли въ Алупку, имѣніе князя Воронцова, прекрасное какъ по климату, такъ и по мѣстности. Великолѣпный домъ былъ пустъ, мѣстами виднѣлась течь, кое-гдѣ обвалилась штукатурка. зонтика, ни галошъ и мы не знали что дѣлать.

Нельзя также не упомянуть о прелестныхъ вьющихся розанахъ, которые покрываютъ стѣны домовъ и иногда доходятъ до крышъ. Тѣ же растенія, которыя мы видимъ и въ нашихъ мѣстахъ, на южномъ берегу хороши и крупны такъ, что узнать трудно, напримѣръ, рябина: она величиной съ райское яблочко и мы долго не хотѣли признать ее за рябину.



Видъ Георгіевскаго монастыря.

Мы провели здѣсь нѣсколько дней, любовались прекрасными магноліями и олеандрами, растущими не въ горшкахъ, какъ у насъ, а на открытомъ воздухѣ, выше роста человѣка. Гуляли по кипарисовой аллеѣ, по садамъ и виноградникамъ.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ я узнала, что такое дождь въ горахъ. Набѣжала тучка, прогремѣлъ громъ, пошелъ дождь, не продолжительный, но проливной и въ одну минуту мѣстность была затоплена. Мы были застигнуты врасплохъ, съ нами не было ни

Изъ Алупки ѣздили мы въ Оріанду, которая не такъ величественна, какъ Алупка; мѣстоположеніе ея не такъ разнообразно, да и смотритъ она какъ-то угрюмо и непривѣтливо. Нѣтъ въ ней также тѣхъ величественныхъ высотъ, которыми любуешься изъ оконъ кабинета князя Воронцова. Впрочемъ въ Алупкѣ мы прожили нѣсколько дней, а здѣсь провели лишь нѣсколько часовъ и потому, быть можетъ, не успѣли разсмотрѣть всѣхъ ея красотъ.

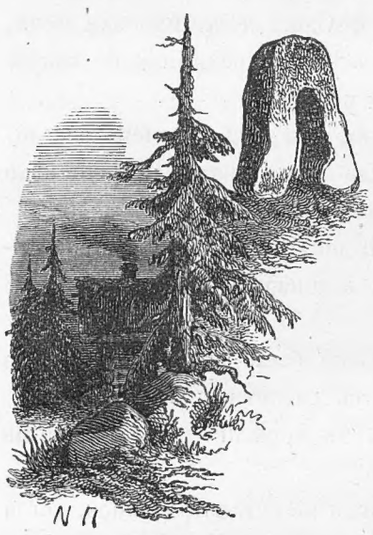
Но, въ гостяхъ хорошо, а дома лучше,

поэтому, распростившись съ Крымомъ, мы въ первыхъ числахъ сентября пустились въ обратный путь къ себѣ въ Тамбовъ.

ДѢТИ.

(Съ натуры.)

IV.



Лиля добрая дѣвочка, но чрезвычайно вѣтреная: не даромъ говоритъ няня, что у нея вѣтеръ въ головѣ. Ей девять лѣтъ — она уже не изъ самыхъ маленькихъ, пора и разуму набираться. Извѣстно, что есть вѣтреные люди и между взрослыми, но это очень жаль и дурно; кто чувствуетъ въ себѣ этотъ недостатокъ, тотъ долженъ на него обратить вниманіе съ дѣтства и стараться исправиться.

Напримѣръ, Лиля знала, что мама ея нездорова, а между тѣмъ, лишь только можно было войти въ спальную, Лиля ворвалась въ дверь съ шумомъ, въ припрыжку подбѣжала къ самой кровати, схватила руку матери, очень ласково ее поцѣловала, и спросила: „А какъ вы себя сегодня чувствуете, милая мамаша?“ Затѣмъ, вовсе не слушая, что ей отвѣчаетъ мать, она вскочила на кровать больной и принялась вынимать изъ кармана раковинки и камушки, которые ей кто-то подарилъ наканунѣ.

— Лиля, замѣтила ей мать, слабымъ голосомъ,—ты меня совсѣмъ не жалѣешь... Ты еще такая дурочка, что не понимаешь даже, какъ тяжело быть больной — иначе, ты не такъ бы спросила о моемъ здоровьѣ.

Лиля подняла голову и покраснѣла.

— А что же у васъ болитъ, мама? сказала сконфуженная дѣвочка.

— Все-все, — кажется, мѣстечка нѣтъ здороваго — все ноетъ,—отвѣчала со вздохомъ мать.

У Лили навернулись на глазахъ слезы, она припала къ плечу матери, чтобы ихъ скрыть и нѣжнѣе прежняго стала цѣловать ея руку.

— Вообрази себѣ, Лиля, продолжала мать, когда ты вбѣжала такъ глупо, съ такимъ шумомъ, когда прыгнула на кровать и всю ее потрясла — мнѣ стало еще больнѣе, гораздо больнѣе; точно ты всѣ мои боли разшевелила! А теперь, когда ты такъ тихо лежишь возлѣ меня и меня ласкаешь, мнѣ легче—право, Лиля, легче. Я чувствую твою любовь — и это меня облегчаетъ.

Лиля заплакала, и перебирая пальчики матери, цѣловала ихъ такъ осторожно, что едва прикасалась къ нимъ губами — она поняла какъ надо беречь больнаго человѣка.

МѢСЯЦЪ ВЪ САКСОНСКОЙ ШВЕЙЦАРІИ.

(Окончаніе.)

V.

амаша, когда же мы пойдемъ къ m-me Андреевой, спросилъ Петя Александру Петровну на другой день послѣ пріѣзда ихъ знакомыхъ.

— Нельзя же, Петичка, вѣдь мы имъ помѣшаемъ, они только вчера пріѣхали и еще не успѣли отдохнуть.

— Тогда позвольте мнѣ, мамаша, пойти въ садикъ, я выйду на берегъ и можетъ быть увижу Ваню.

— Если тебѣ такъ хочется, то пожалуй ступай.

— Аня, Миша, сказалъ Петя уходя, пойдемте вмѣстѣ!

Но тѣ не согласились; Аня продолжала читать, а Миша стругалъ себѣ хлыстикъ, чтобы употребить его въ первый разъ, какъ поѣдетъ верхомъ.

Чрезъ нѣсколько времени Петя возвратился.

— Никого не видалъ, сказалъ онъ.

— Я тебя предупреждала, сказала Александра Петровна; утромъ всѣ чѣмъ нибудь занимаются и никто не гуляетъ.

Послѣ обѣда всѣ сидѣли въ своей комнатѣ, вдругъ кто-то осторожно постучалъ въ дверь.

— Herein, сказалъ Николай Александровичъ по нѣмецкому обычаю. Это была m-me Андреева съ дѣтьми.

— Я только что успѣла разложиться, сказала она входя, и пришла къ вамъ, надѣюсь я вамъ не помѣшала?

— Напротивъ, мы очень рады, отвѣчала Александра Петровна; дѣти съ самаго утра не давали мнѣ покою, все просились къ вамъ, насилу ихъ могла удержать.

— Да? Ваня и Саша тоже просили меня, чтобы мы всѣ вмѣстѣ предприняли какую нибудь partie de plaisir.

— Непремѣнно, это будетъ очень весело.

— Но прежде надо намъ хорошенько отдохнуть, сказала m-me Андреева.

— Въ первый день, какъ будетъ прохладно, поѣдемте на водопадъ.

— Хорошо.

Дѣтямъ объявлено было это рѣшеніе и всѣ они запрыгали отъ радости.

— Саша, ты въ первый разъ увидишь горы и водопады?

— Да, мы нигдѣ не останавливались, когда ѣхали сюда, я только съ парохода видѣла и Бастей и Кёнигстейнъ.

— Такъ вы и Бастей не видали? какъ жаль! а мы тамъ каждый камушекъ изучили.

— Мама сказала, что мы отсюда поѣдемъ посмотрѣть всѣ окрестности.

— Да непремѣнно надо поѣхать, сказалъ Петя, чудо какъ хорошо! Знаешь, Ваня, я все время ѣхалъ верхомъ.

— Неужели? переспросилъ Ваня; такъ и мы поѣдемъ верхомъ.

— Не знаю, отвѣчалъ Петя, я объ этомъ попрошу папашу.

Пока старшія дѣти предавались этимъ разговорамъ, Миша и Оля играли въ мячики и звонко смѣялись, когда кто нибудь изъ нихъ не могъ поймать мячикъ.

При прощаніи дѣти такъ энергично стали просить своихъ родителей назначить завтра partie de plaisir, что они должны были согласиться. И такъ прогулка была отложена до слѣдующаго дня и дѣти съ нетерпѣніемъ ждали желанной минуты.

На другой день въ четыре часа послѣ обѣда большой шарабанъ остановился у сада, въ которомъ все общество съ нетерпѣніемъ его ожидало; чрезъ нѣсколько времени, всѣ размѣстились — наши знакомые катились по красивому шоссе, по берегу прозрачнаго, живописнаго ручья. Дѣти были въ восторгѣ и восхищались всѣмъ, что имъ попадалось на глаза. Вскорѣ послѣ того, какъ Шандау скрылся изъ вида, кучеръ обернулся и предупредилъ, что тотчасъ же будетъ водопадъ. Тутъ онъ остановилъ лошадей, хотя никто еще не видѣлъ и подобія водопада.

— Wo ist doch der Wasserfall? спросилъ Петя кучера.

Тотъ ему отвѣчалъ, что сторожъ сейчасъ спуститъ воду и, обращаясь къ Николаю Александровичу, прибавилъ: ein kleines Trinkgeld, mein Herr. Все общество долго смѣялось надъ такимъ способомъ заставлять любоваться природой. Проѣхавъ еще нѣсколько времени, по той же дорогѣ, они скоро очутились у другаго водопада, который очень походилъ на тотъ, который имъ показывали. Когда пріѣзжали туристы, то точно также спускали воду, съ той только разницей, что такъ какъ вода падаетъ съ большой высоты, то это удовольствіе стоитъ дороже, чѣмъ прежнее. Только что они подошли къ гостинницѣ, построенной не далеко въ лѣсу, ихъ остановила цѣлая толпа фюреровъ. Въ ресторація Николай Александровичъ спросилъ кофею и угостилъ дѣтей, затѣмъ, пока взрослые отдыхали, дѣти разсыпались по рощѣ и стали рвать яжевику, которая растетъ тутъ въ большомъ изобиліи.

Вскорѣ послѣ нихъ пріѣхало цѣлое семейство англичанъ: отецъ, мать и двѣ дочери; они тотчасъ же наняли лошадей и поѣхали дальше.

Отецъ былъ большаго роста, съ рыжими бакенбардами и съ рыжими волосами, мать, нимало не стѣсняясь, пренеграціозно усѣлась на лошака, но всего лучше были двѣ дочери, онѣ были вылитымъ типомъ англичанокъ, обѣ были рыжеватыя блондинки и волосы ихъ, по англійской модѣ, рѣденькими прядями лежали на спинѣ, обѣ были молчаливы и только изрѣдка обмѣнивались словами *yes* или *no*.

Послѣ нихъ явилось еще русское семейство; выйдя изъ коляски старикъ отецъ громко закричалъ: „эй! *mir* лошадку,“ но не получая отвѣта на эту фразу, онъ нетерпѣливо сказалъ:—„Фу, какой безтолковый народъ эти нѣмцы! mir Pferd,“—прибавилъ онъ громче; тогда къ нимъ подошли фюреры, съ которыми онъ объяснился съ помощью жены своей, которая, хотя и говорила по нѣмецки на особенный ладъ, но все-таки удобопонятнѣе, чѣмъ мужъ.

Наши знакомые послѣдовали ихъ примѣру и отправились дальше. Александра Петровна и m-me Андреева рѣшились сѣсть на лошадей, къ величайшему удовольствію дѣтей, которые отъ души смѣялись, увидѣвъ обѣихъ мамашей безъ амазонокъ, съ зонтиками въ рукахъ. Старшіе мальчики ускакали рысью впередъ, къ великому ужасу дамъ, которыя кричали имъ вслѣдъ: тише, тише! но мальчики мало обращали вниманія на увѣщеванья своихъ родителей.

— Петя, кто скорѣй доѣдетъ? сказалъ Ваня и, хлыстнувъ лошадь, онъ поскакалъ впередъ; Петя послѣдовалъ его примѣру, но чрезъ нѣсколько времени лошади ихъ устали и они принуждены были ѣхать шагомъ.

Саша и Аня ѣхали рядомъ и все время разговаривали. Аня разсказывала, сколько у нея куколъ, какъ ихъ зовутъ; Саша слушала со вниманіемъ и сказала: „а у меня мало времени, чтобы играть въ куклы: утромъ до обѣда, я бываю въ пансіонѣ, а ве-

*

черомъ, я или приготовляю уроки, или играю на фортепіано.“

— Бѣдная Саша, сказала Аня, тебѣ вѣрно очень скучно иногда безъ куколъ? Но за то ты вѣрно по воскресеньямъ весь день играешь?

— Нѣтъ, Аня, теперь уже я отвыкла и въ свободные дни я предпочитаю ходить гулять.

— А я такъ очень люблю куколъ! съ жаромъ воскликнула Аня. Мама говоритъ, что въ будущемъ году я буду тоже ходить въ пансіонъ и мнѣ не будетъ времени играть въ куклы, — прибавила она вздохнувъ.

Разговаривая такимъ образомъ онѣ и не замѣтили, какъ нечаянно отстали отъ своихъ, а такъ какъ дорога шла зигзагами, то нельзя было видѣть впереди онѣ или сзади. Обѣ дѣвочки испугались тѣмъ болѣе, что дорога раздѣлялась на 2 вѣтви, одна шла прямо, а другая на право. Саша готова была заплакать, но Аня была похрабрѣе и утѣшала ее очень разумными словами:

— Послушай, Саша, говорила она, вѣдь это не дремучій лѣсъ, поѣдемъ прямо, можетъ быть кого нибудь встрѣтимъ, и спросимъ куда ведетъ эта дорога.

— А вдругъ никого не встрѣтимъ, и заѣдемъ Богъ знаетъ куда.

— Какая ты трусишка, Саша, ну, не встрѣтимъ, такъ вернемся и подождемъ, когда замѣтятъ, что насъ нѣтъ, то придутъ насъ поискать.

Сказано, сдѣлано: поѣхали прямо; тропинка круто шла въ гору и была покрыта корнями деревьевъ, такъ что лошади ихъ постоянно спотыкались; скоро тропинка повернула въ лѣво и пошла внизъ.

— Аня, да вѣдь мы внизъ спускаемся, развѣ ты не замѣчаешь, сказала Саша.

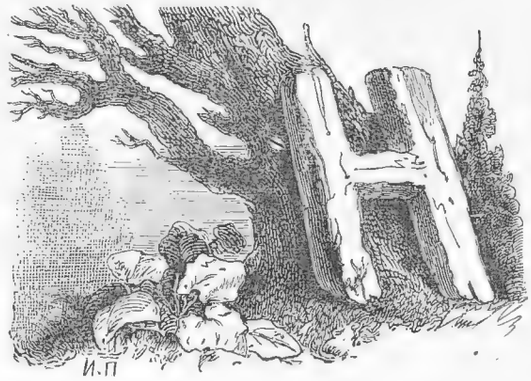
— Да, да, замѣчаю, Саша, надо повернуть назадъ.

— Мамаша-то какъ будетъ безпокоиться, сказала сквозь слезы Саша. Аня, поѣдемъ скорѣе.

Дѣвочки поѣхали рысью, но чрезъ нѣсколько времени Саша закричала:

— Аня, Аня, у меня съѣжаетъ сѣдло; я сейчасъ упаду. Съ трудомъ остановили лошадь и Саша соскочила на землю; ни у одной изъ нихъ не доставало храбрости повести лошадь за уздечку, а та, почувствовавъ себя на свободѣ, поскакала внизъ по хорошо извѣстной дорогѣ. Аня тоже соскочила съ лошади и оставалась въ нерѣшимости, никто не приходилъ имъ на помощь, внизу нисколько не удивились, что лошадь прибѣжала одна, такъ какъ фюреры часто остаются отдохнуть на верху горы, а лошадей пускаютъ внизъ. Дѣвочки окончательно упали духомъ и присѣвъ на краю дороги горько заплакали...

VI.



аше маленькое общество ѣхало впередъ, не замѣчая отсутствія двухъ дѣвочекъ; Александра Петровна и m-me Андреева были увѣрены, что онѣ ѣдутъ впереди; но каково было ихъ удивленіе, когда, пріѣхавъ на верхъ горы, они не увидѣли Сашу и Аню. Онѣ подождали нѣсколько времени, думая, что онѣ отстали и сейчасъ ихъ нагонютъ, но потомъ ими овладѣло безпокойство. Николай Александровичъ спросилъ у разныхъ путешественниковъ, успѣвшихъ пріѣхать послѣ нихъ, не встрѣтили ли они двухъ дѣвочекъ, всѣ они отвѣчали отрицательно, потому что вѣроятно они проѣзжали въ то время, когда

дѣвочки повернули на другую дорогу. Тогда всѣ стали о нихъ безпокоиться, мамаша и дѣти вышли на дорогу, думая вотъ-вотъ они увидятъ дѣвочекъ; но такъ какъ никого не было, то всѣ они разсыпались по лѣсу и отчаяннымъ голосомъ стали звать пропавшихъ:— Аня, Аня, гдѣ ты?—плача кричалъ Миша.

Между тѣмъ дѣвочки, наплакавшись вдоволь и не видя ниоткуда помощи, пошли на удачу на лѣво, но скоро опять повернули въ сторону и боясь сбиться съ пути, остановились въ нерѣшимости.

Къ счастію, онѣ услышали топотъ копытъ и чрезъ нѣсколько времени съ ними поровнялись фюреры, которые спокойно ѣхали съ горы. Аня робко спросила ихъ не видѣли ли они ихъ общества, которое она подробно имъ описала.

— Ja wohl, отвѣчали тѣ, и одинъ изъ нихъ прибавилъ, что на верху какія-то дамы очень безпокоются о двухъ дѣвочкахъ верхомъ,—а вы, кажется, пѣшкомъ? спросилъ онъ Сашу. Та сквозь слезы разсказала приключеніе съ лошадью и вызвала дружный смѣхъ фюреровъ.

— Nehmen sie mein Pferd — сказалъ одинъ изъ нихъ и посадивъ Сашу на сѣдло повелъ лошадь на гору. Подымаясь, онѣ услышали крики: „Саша, Аня!“ и чрезъ нѣсколько времени увидѣли Петю и Ваню, бѣгущихъ по тропинкѣ, а сзади Александру Петровну и m-me Андрееву. Дѣвочки бросились въ объятія своихъ мамашей и Аня разсказала все случившееся безъ слезъ, но съ волненіемъ.

— Если бы не ты, я и не знала бы, что дѣлать, сказала Саша, цѣлуя Аню.

— Ничего бы не было, отвѣчала та, точно такъ же бы пришла на верхъ къ мамашѣ, но все-таки ты порядочная трусишка. Дѣвочка никакъ не хотѣла признаться, что и сама она безпокоилась, хотя на ея длинныхъ рѣсницахъ блестѣла крупная слезинка.

— Ну, дѣвочки, сказалъ Николай Александровичъ, чтобы въ другой разъ вы не заблудились, вы не будете отходить отъ своей мамаши, а теперь пойдемте на площадку.

Успокоившись отъ своихъ треволненій, все общество вошло на площадку, которая въ видѣ балкона выступаетъ надъ глубокой пропастью. Тутъ они застали большое общество, между прочимъ прежнихъ англичанъ, которые сидѣли молча, любуясь видомъ, и тѣхъ же русскихъ, которые бросивъ быстрый взглядъ на прелестную картину отправились въ ресторацію заказывать форелей.

Наше знакомое общество расположилось тутъ отдохнуть, но къ величайшему неудовольствію дѣтей, имъ не позволено было отходить, потому что кругомъ были страшные обрывы и легко можно было упасть внизъ.

Видъ съ этой площадки не походилъ ни на какой другой въ Саксонской Швейцаріи; тутъ онъ не только живописенъ, но и величественъ и страшенъ: высокія, обросшія мохомъ скалы, глубокія пропасти, темныя пещеры; все это придаетъ этому виду совершенно особенный характеръ.

— Отъ чего это мѣсто называется Kuhstall? спросила m-me Андреева.

— Я читалъ въ описаніи, сказалъ Николай Александровичъ, что во время 30-тилѣтней войны жители всѣхъ сосѣднихъ деревень пригнали сюда свои стада, и съ тѣхъ поръ это мѣсто получило это названіе.

— Мама, сказалъ Петя, подходя къ Александрѣ Петровнѣ, посмотрите, всѣ пошли на верхъ скалы, отъ чего мы туда не идемъ?

— Пойдемъ, отвѣчала Александра Петровна; разъ уже мы сюда забрались, надо все осмотрѣть.

Послѣ этихъ словъ всѣ они встали и начали подыматься по узкой лѣстницѣ, устроенной въ трещинѣ между двумя скалами; лѣстница эта имѣетъ 120 ступеней и всего $^1/_2$ аршина ширины; туристы рѣдко предпринимаютъ это карабканье и обыкновенно обходятъ кругомъ по наружной лѣстницѣ. Но за то какое вознагражденіе за усталость получаютъ всѣ тѣ, которые рѣшились взо-

браться на верхъ; какой обширный чудный видъ, какое разнообразіе картинъ, со всѣхъ сторонъ горы, развалины замковъ, полуразрушенныя башни, на верхушкѣ которыхъ растутъ вѣковыя сосны.

Дѣти были въ восторгѣ и не могли насмотрѣться на чудесную картину. Но всему на свѣтѣ есть конецъ и наше общество должно было сойти внизъ; не желая больше сходить по лѣстницѣ, они спустились по другой дорогѣ, фюреръ показывалъ имъ различныя пещеры, какъ Schneiderloch, Pfaffenloch: тутъ онъ разсказалъ, что въ 16 вѣкѣ, одинъ протестантскій священникъ спрятался въ пещеру, но былъ найденъ, и разъяренная толпа бросила его въ пропасть.

Сойдя внизъ, наши знакомые замѣтили, что всѣ туристы идутъ дальше за Винтербергъ, тогда они тоже рѣшили не возвращаться въ Шандау, и слѣдовать общему примѣру.

— Я еще не устала, сказала m-me Андреева, вѣдь мы ѣхали всего одинъ часъ.

— Конечно, — отвѣчала Александра Петровна, но вѣдь придется поздно возвращаться въ Шандау, теперь уже половина шестаго.

— Да мы и не возвратимся сегодня, сказалъ Николай Александровичъ; мы придемъ на Большой Винтербергъ, поужинаемъ и ляжемъ спать, а завтра утромъ посмотримъ на восходъ солнца и пустимся въ обратный путь.

Дѣти съ жадностью слушали эти переговоры, и узнавъ рѣшеніе, обрадовались донельзя. Общество рѣшилось идти пѣшкомъ до Малаго Винтерберга, такъ какъ иначе нельзя было попасть на Большой Винтербергъ. Всѣ спустились по крутой тропинкѣ въ Габихсгрундъ, прошли чрезъ ущелье и, повернувъ на лѣво, стали подыматься на гору. Несмотря на то, что подъемъ этотъ довольно затруднителенъ, наши путешественники шли бодро; разговаривая другъ съ другомъ, они не замѣтили, какъ солнце скрылось, небо заволокло тучами; вдругъ послышались глухіе раскаты грома.

— Ахъ, Боже мой, сказала Оля,— мама, кажется будетъ гроза; возьми меня, я боюсь.

Не успѣли они сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ яркая молнія освѣтила всю гору и въ скоромъ времени послышались страшные громовые удары, повторяемые звучнымъ эхо; дождь сталъ накрапывать крупными каплями и гроза разразилась во всей силѣ. Бѣдная Оля зажимала глаза и уши, но все-таки замѣчала и громъ, и молнію. M-me Андреева взяла на руки плачущую дѣвочку, но ничего не помогало: Оля дрожала какъ въ лихорадкѣ и страхъ ея доходилъ до припадка.

— Олечка, милая, не бойся, говорилъ Миша, — гроза сейчасъ пройдетъ и тогда опять проглянетъ солнышко.

— Ахъ, нѣтъ, я боюсь, насъ убьетъ молнія,—говорила Оля, пряча головку въ колѣни мамаши.

Всѣ остановились въ нерѣшимости; но такъ какъ нельзя же было стоять подъ дождемъ, то Николай Александровичъ снялъ свой плэдъ, закрылъ имъ Олю съ головой и взявъ ее на руки, скорыми шагами пошелъ на гору. Дѣти шли молча, взволнованные грозой и слезами Оли. Покуда они шли, гроза стала проходить, молнія еще сверкала, но громовые удары стали глуше и раздавались въ далекѣ; усталые спутники замѣтили свѣтъ между деревьями и вскорѣ очутились передъ гостинницей. Они вошли въ большую комнату, гдѣ было уже большое общество, которое тоже пришло искать убѣжища отъ грозы. Тутъ стояли накрытые столы для проголодавшихся путешественниковъ, а въ углу сидѣли два слѣпыхъ старца, которые услаждали присутствующихъ звуками арфы. Картина эта была не лишена поэзіи и напоминала древнихъ бардовъ...

Всѣ туристы разговаривали съ большимъ

одушевленіемъ, смѣялись, разсказывали свои впечатлѣнія, приключенія и т. д.

Такъ какъ ночью нельзя было возвращаться въ Шандау, то Николай Александровичъ взялъ двѣ комнаты и вскорѣ дѣти, утомленные прогулкой, собрались спать.

Прежде всего надо было подумать объ Олѣ, которая до сихъ поръ еще не могла оправиться и по временамъ дрожала всѣмъ тѣломъ.

И такъ наши спутники заснули крѣпкимъ сномъ въ ожиданіи дальнѣйшаго путешествія.

VII.

Рано утромъ проснулся Николай Александровичъ, дѣти еще спали и ему не хотѣлось тревожить ихъ сна; не смотря на ранній часъ, онъ слыщалъ, что всѣ путешественники были на ногахъ, чтобы поспѣть къ восходу солнца на Большой Винтербергъ. Онъ отворилъ окно и струя свѣжаго, утренняго воздуха проникла въ комнату; только что начало свѣтать и на небѣ еще не исчезли ни мѣсяцъ, ни звѣзды. Холодный влажный воздухъ разбудилъ дѣтей, и увидѣвъ, что отецъ ихъ проснулся, они быстро вскочили съ постелей и начали одѣваться.

Николай Александровичъ осторожно постучалъ въ комнату, гдѣ были дамы, но не получилъ отвѣта.

— Онѣ еще вѣрно спятъ, замѣтилъ Миша; пора вставать — сказалъ онъ громче.

— Мама, Саша, вставайте, закричалъ Ваня, а то мы опоздаемъ.

— Сейчасъ, сейчасъ, отвѣчала Александра Петровна, и слышно было, какъ она будила дѣвочекъ. Черезъ нѣсколько времени всѣ собрались въ залу, и такъ какъ было довольно свѣжо и сыро, то всѣ закутались въ свои пледы и шали, и всѣ туристы большой компаніей вышли изъ гостинницы.

На деревьяхъ еще висѣли капли дождя и при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи проходящихъ, ихъ обдавало холодной пылью.

Идти было довольно затруднительно, потому что дождь размылъ лѣсную тропинку и было очень скользко. Послѣ дождя выросло много грибовъ и дѣти, не смотря на сырость, пошли ихъ собирать.

— Мама, это хорошій грибъ? спросила Аня у Александры Петровны.

— Хорошій, отвѣчала та.

Но потомъ, каждый изъ дѣтей приходилъ спрашивать, хорошій ли онъ сорвалъ грибъ.

— Это очень скучно, дѣти, приносить по одному грибу, сказала госпожа Андреева, вы наберите побольше, тогда мы выберемъ хорошіе.

— Ай, ай, ай, лягушка, закричала Аня, и Саша, услышавъ этотъ крикъ, бѣгомъ побѣжала на тропинку.

— Ха, ха, ха! расхохотались мальчики; ну что же вы испугались лягушки, вѣдь она не кусается; ха, ха!

— Я знаю, что не кусается, сказала Аня, да она такая некрасивая, слизкая, вдругъ вскочитъ на платье.

— Какъ можно, Аня, сказалъ Николай Александровичъ, вѣдь лягушки боятся людей.

Но несмотря на всѣ разсужденія, дѣвочки не рѣшились идти въ траву и пошли съ большими.

Мальчикамъ тоже показалось скучно собирать безъ дѣвочекъ, и разсудивъ, что грибы негдѣ будетъ приготовить, они ихъ бросили на дорогѣ и пошли со всѣми.

Мало по малу ночная сырость стала про-

ходить, птички начали щебетать и летать съ дерева на дерево.

— Поспѣшите, сказалъ Николай Александровичъ, а то мы придемъ, когда солнце уже будетъ высоко на небѣ. Всѣ прибавили шагу и послѣ получасовой ходьбы, они очутились на самой верхушкѣ горы. Тутъ уже было нѣсколько путешественниковъ, которые ожидали восхода; вскорѣ востокъ подернулся легкой розовой тѣнью, потомъ розовыя облака разсѣялись по свѣтло-голубому небу и такимъ образомъ представляли прелестную картину. Мало по малу они стали исчезать, и весь свѣтъ сосредоточился на одномъ яркокрасномъ шарѣ, который все дѣлался свѣтлѣе и свѣтлѣе, и превратился въ золотистый, ослѣпительный кругъ. Всѣ туристы въ нѣмомъ восхищеніи слѣдили за всѣми фазисами солнечнаго восхода и какъ только зрѣлище это пришло къ концу, всѣ бросились въ ресторацію. Наши знакомые спросили себѣ кофею и стали въ подробностяхъ разсматривать мѣстность. Отсюда видна была вся Саксонская Швейцарія; между горами, извилистой лентой тянулась Эльба.

— Мама, вѣдь это Дрезденъ виднѣется, вонъ тамъ внизъ по Эльбѣ? спросила Аня.

— Да, милая, отвѣчала Александра Петровна, а тамъ съ другой стороны, неужели это Прага? прибавила она обращаясь къ мужу.

— Да, посмотрите какъ блестятъ куполы и колокольни ея церквей.

— Какъ далеко видно, замѣтилъ Ваня.

— Неужели эта гора выше Бастей, спросилъ Миша?

— Да, мой милый, почти что вдвое, сказалъ Николай Александровичъ,— Бастей имѣетъ 1000 футовъ, а Винтербергъ 1800 фут. высоты.

— Посмотрите, мама, куда онъ карабкается, сказалъ Ваня, указывая на одного мальчика, который по едва замѣтной лѣстницѣ подымался на узкую, совершенно отдѣльно стоящую, скалу.

— Ай, какъ страшно! сказали Аня и Саша.

— Позвольте намъ полѣзть туда, сказали Ваня и Петя.

— Нѣтъ, ни за что, возразила Александра Петровна, у тебя можетъ закружиться голова, и ты упадешь.

— Отъ чего же этотъ мальчикъ не падаетъ? спросилъ Петя.

— Во первыхъ, потому что онъ уже привыкъ лазить по горамъ, да при томъ, если это и не опасно, то не время; когда я буду видѣть тебя на этой высотѣ, буду бояться за тебя.

— Ну, не надо, сказалъ вздохнувъ Петя, и послушался свою маму.

— Теперь я вотъ что предложу вамъ, сказалъ Николай Александровичъ, вмѣсто того, чтобы возвращаться той же дорогой, не хотите ли спуститься по другой, а за тѣмъ на пароходѣ въ Шандау.

— Хотимъ, хотимъ, такъ очень хорошо!— отвѣчали всѣ.

— Но только я хочу спуститься на лошакѣ, а то у меня уже начинаютъ болѣть ноги, сказала Александра Петровна.

— Ну, вотъ и отлично, сказалъ Николай Александровичъ; не хотите ли и вы тоже? спросилъ онъ госпожу Андрееву.

— О, да, съ большимъ удовольствіемъ, отвѣчала та. И такъ рѣшено было, что двѣ мамаши поѣдутъ, а остальные пойдутъ пѣшкомъ.

Спускаться было труднѣе, чѣмъ входить на гору, потому что дождь испортилъ дорогу и лошади спотыкались на каждомъ шагу. По дорогѣ ходили мальчики съ корзинками и предлагали всѣмъ проходящимъ купить какую нибудь бездѣлушку: Ein kleines andenken, mein Herr, говорили они. Дѣти стали просить родителей, чтобы имъ позволили что нибудь купить.

— Ну выберите себѣ, что хотите, сказалъ имъ Николай Александровичъ.

Аня выбрала себѣ нѣсколько фотографическихъ видовъ тѣхъ мѣстъ, которыя они видѣли; Саша попросила купить соломенную

корзиночку, произведеніе тамошнихъ жителей. Мальчики же долго перебирали всѣ вещи и не могли ни на что рѣшиться.

— Я, кажется, возьму эту печать, сказалъ Петя; посмотрите, какая она хорошенькая, миленькая, и на ней вырѣзана буква П; жаль только, что по нѣмецки.

— А я же что куплю? сказалъ Ваня, мнѣ ничего особенно не нравится.

— Тогда ты можешь выбрать у другаго, сказалъ Николай Александровичъ.

— Нѣтъ, уже я рѣшусь на эту стеклянную пепельницу.

— Пепельницу? спросила удивленная Аня: зачѣмъ тебѣ ее, вѣдь ты не куришь!

— Ничего, я ее поставлю къ папѣ на столъ; а когда выросту, то возьму себѣ.

— Ну, вотъ и хорошо, сказалъ Николай Александровичъ, теперь у всѣхъ у васъ есть какія нибудь вещи! Ахъ да, Миша и Оля, что же вы выбрали?

— Я, сказалъ Миша, взялъ себѣ бѣленькую кружечку, а Оля такую же розовую.

— Вотъ умно сдѣлали, ваши покупки нравятся мнѣ лучше другихъ,— сказала Александра Петровна.

Послѣ этой маленькой остановки наше общество пошло дальше; по мѣрѣ того, какъ они подвигались впередъ, солнце начало сильно ихъ припекать и ихъ не спасала даже тѣнь деревьевъ.

— Ахъ, какъ жарко, сказалъ Миша, снимая съ себя пальто и шарфъ, а я думалъ будетъ прохладно послѣ вчерашней грозы.

— Да, нечего сказать, таки припекаетъ, сказалъ Ваня, я ужасно хочу пить.

— Можетъ быть мы найдемъ какой нибудь ручеекъ.

— Лишь бы только поскорѣе, замѣтилъ опять Ваня.

Такъ они шли еще минутъ десять, вдругъ дѣвочки, которыя были впереди, обернулись и весело стали звать братьевъ.

— Что тамъ такое? спросилъ Ваня, побѣжимте къ нимъ.

— Ахъ, какъ хорошо! это ручеекъ,— воскликнулъ Петя.

Услышавъ это, Миша бросился бѣжать,— зачерпнулъ воды въ свою кружечку и сталъ всѣхъ угощать. Ваня же, не дождавшись своей очереди, вынулъ свою пепельницу и сталъ пить воду. Утоливъ свою жажду, они пошли дальше; чрезъ нѣсколько времени они замѣтили, что лѣсъ сталъ гораздо рѣже и изрѣдка попадались черные обгорѣлые пни, это ихъ очень заинтересовало и Николай Александровичъ спросилъ объ этомъ явленіи у одного проходящаго, тотъ объяснилъ, что въ 1842 году тутъ былъ большой пожаръ и слѣды этого пожара замѣтны еще до сихъ поръ.

Чрезъ нѣсколько времени они достигли пресловутый Пребишторъ; тутъ имъ представилось еще новое зрѣлище, и хотя они привыкли къ красивымъ видамъ, но этотъ былъ совершенно въ особенномъ родѣ.

Съ той стороны, откуда подъѣзжаютъ къ скалѣ, видны ворота, которыя ведутъ на широкую площадку. Оттуда видна пропасть страшной глубины; но наши туристы не удовольствовались этой площадкой, а поднялись выше—на узкую, отдѣльно стоящую скалу, чтобы вдоволь насладиться ужасами того обрыва, который виднѣлся подъ ними.

Кромѣ того, отсюда же видъ простирается съ одной стороны на Саксонію, а съ другой на Богемію.

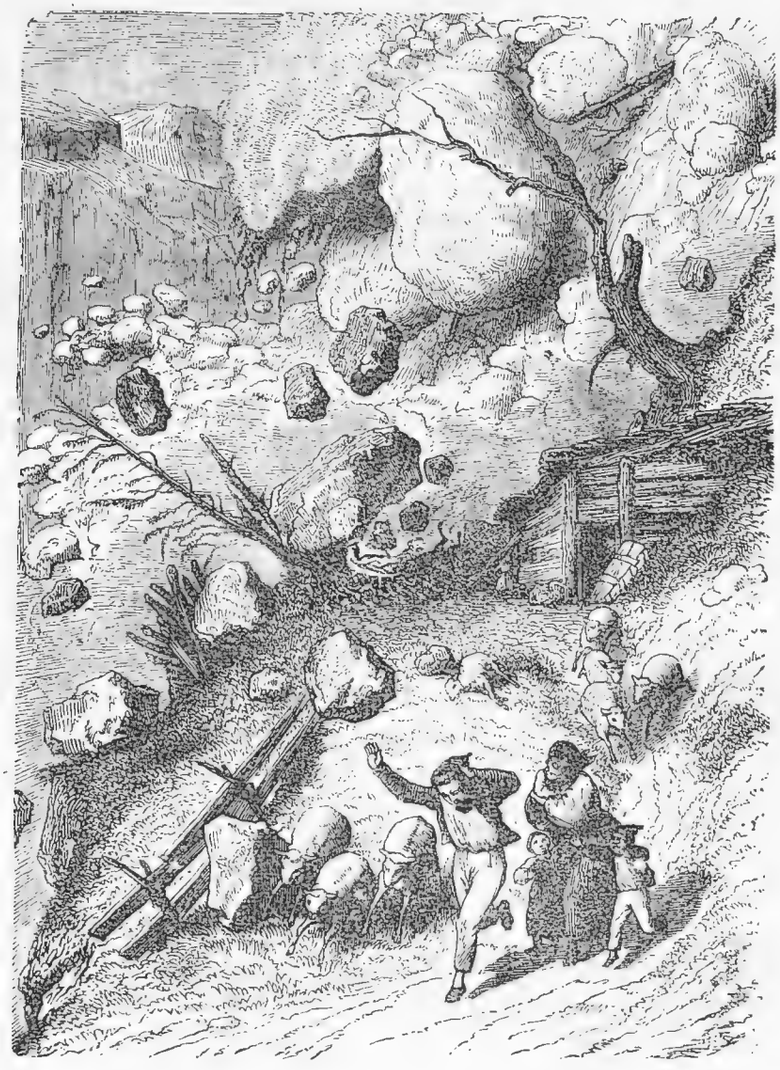
Наши туристы отдохнули, и чтобы подкрѣпить свои силы, спросили себѣ венгерскаго вина, которое тутъ въ большомъ количествѣ.

Николай Александровичъ вынулъ часы и увидѣвъ, что уже половина перваго, сказалъ, что надо поторопиться, а то опоздаютъ на пароходъ, который отходитъ въ два часа изъ Гернскречена. Все общество поднялось и стало скорымъ шагомъ спускаться по ущелью; мальчики прыгали съ камня на камень, къ величайшему ужасу ихъ мамашей. Усталые, но за то съ запа-

сомъ впечатлѣній и разсказовъ, они спустились въ Гернскреченъ, тутъ они только успѣли взойти на палубу, какъ пароходъ тронулся и они поплыли въ Шандау. Дѣти мало сидѣли всю дорогу и только изрѣдка любуясь скалами, съ гордостью говорили: „а вѣдь мы тамъ были.“ Оля, которая устала больше другихъ, спала, положивъ головку на колѣни своей мамы. Чрезъ часъ они достигли Шандау и всѣ разошлись по своимъ квартирамъ.

Они еще нѣсколько времени прожили въ Шандау, гуляли, катались въ лодкѣ. Госпожа Андреева съѣздила посмотрѣть Бастей.

Когда настали ненастные дни и надо было уѣзжать, имъ жаль было разстаться съ красивыми мѣстами, къ которымъ они такъ привыкли, и зимой, въ Петербургѣ, дѣти часто разсказывали своей нянѣ, какъ они ходили по горамъ, преувеличивая немного опасности, при чомъ старушка набожно крестилась, приговаривая: „ахъ, ты Господи, какая страсть.“



Лавины (стр. 389).

ЛАВИНЫ.

Лавины суть ничто иное, какъ глыбы снѣга, которыя, скопляясь на склонахъ альпійскихъ горъ, внезапно скатываются внизъ и черезъ это въ расплохъ застигаютъ путешественниковъ, подвергая ихъ сильной опасности. Лавины образуются отъ большаго количества снѣга, падающаго съ какого нибудь выдающагося утеса; соединяясь затѣмъ съ тѣмъ снѣгомъ, который покрываетъ крутые горные скаты, онѣ еще болѣе увеличиваются въ своемъ объемѣ и, при своемъ быстромъ движеніи по скату горы, уносятъ съ собой дома, деревья, людей, лошадей, — однимъ словомъ все, что встрѣчается имъ на пути.

Въ подобномъ случаѣ очень трудно избѣжать ихъ, такъ какъ онѣ спускаются по поверхности горъ съ неимовѣрной силой и быстротой; ничто не въ состояніи остановить ихъ движенія, пока онѣ не достигнутъ до долинъ, при паденіи въ которыя въ дребезги разбиваются. Величина этихъ громадныхъ снѣжныхъ глыбъ доходитъ иногда до 30-ти и болѣе аршинъ въ діаметрѣ.

Замѣчательна одна лавина, скатившаяся въ одну изъ ночей 1695 года,— она совершенно снесла деревушку, изъ 11-ти домовъ, стоявшую на склонѣ горы; и подъ ея развалинами погребла жителей, дѣтей и весь скотъ. Положеніе несчастныхъ было ужасно: они стремглавъ бѣжали отъ всепоглащающей снѣжной глыбы, но та катилась еще быстрѣе; достигала ихъ и, поваливъ на землю, несла съ собой уже по своему произволу.

Подобные несчастные случаи могутъ быть послѣдствіемъ самыхъ незначущихъ движеній въ воздухѣ, какъ напримѣръ отъ сотрясенія воздуха, произведеннаго скачкомъ серны или выстрѣломъ изъ пистолета; вотъ почему путешественники стараются проходить черезъ эти опасныя мѣста какъ можно раньше и соблюдая строжайшее молчаніе.

Лавины, однако, не всегда бываютъ одинаково губительны, состоя иногда изъ рыхлаго вновь выпавшаго снѣга, онѣ легки и люди, погребенные подъ ними, могутъ пробыть въ такомъ положеніи довольно долгое время не задыхаясь, до подачи помощи сторожами, которыхъ держатъ въ этихъ мѣстахъ на жалованьи для того, чтобы они разчищали дорогу и могли бы оказать какую либо помощь, когда къ этому представится случай.

Не въ однихъ Альпахъ впрочемъ бываютъ лавины; жители сѣверной части Шотландіи тоже знакомы съ ними. Не рѣдко случается, что пастухи горныхъ племенъ (Highlanders), уходящіе на цѣлые мѣсяцы со своими стадами въ горы, пропадаютъ безъ вѣсти, занесенные этими страшными лавинами.

О МЫШКѢ БѢЛЯНОЧКѢ.

(СКАЗКА).

(Съ французскаго).

Кому встать пораньше лѣнь,
Тому рыскать цѣлый день.
(*Мышиная пословица*).

ыла одна маленькая, прелесть какая мышка: глазки и лапки розовыя, а сама бѣленькая, точно горностай. Мать этой мышки любила ее безъ ума и назвала ее Бѣляночкой. — Бѣляночка была мышка не изъ простыхъ, она была мышка-барышня; а какъ всѣ мыши, знатныя или простыя, родятся бѣдными, то и ей приходилось, наравнѣ съ другими, добывать хлѣбъ своимъ

*

трудомъ, съ того дня, когда она отстала отъ кормилицы. Но у нея былъ большой порокъ, — она была очень лѣнива. Сколько ни будила ее мать, въ тотъ часъ, когда мыши выбѣгаютъ по своимъ дѣламъ, никакъ бывало не заставитъ встать.

„Да, сейчасъ! сейчасъ!“ отвѣчала Бѣляночка на своемъ мышиномъ языкѣ; потомъ она такъ долго потягивалась и расправляла свои розовыя лапки, такъ лѣниво протирала глазки, что мать, возвращаясь домой, заставала ее спящею. Мышь-маменька была слаба къ своему ребенку; побранивъ ее слегка, она все-таки давала ей корочку бѣлаго хлѣба, потому что уже поздно было въ эти часы бѣгать по улицамъ и Бѣляночкѣ было бы опасно пускаться на такой подвигъ среди бѣлаго дня. Увидѣвъ однако, что безпечность отъ баловства дѣлается хуже, мать однажды скрѣпя сердце сказала:

— Милая дочка, еслибы я завтра умерла отъ удара, или отъ воспаленія, или отъ зубовъ кошки, ты навѣрно погибла бы съ голоду, не умѣя добывать себѣ пищу; тебѣ необходимо привыкнуть къ дѣлу. Помни же, что я говорю, и знай — я тебѣ дала корочку въ послѣдній разъ.

Бѣляночку ни мало не смутила такая рѣчь. „Маменька очень добра, подумала она, и вѣрно не сдержитъ своего слова.“ На этотъ разъ она ошиблась: мать, боясь разчувствоваться, не воротилась въ этотъ день домой, а отправилась ночевать въ старую касторовую шляпу, которая валялась на чердакѣ сосѣдняго дома; но она плохо спала отъ сердечной тревоги. Бѣляночка долго ждала мать, и не одну мать, но вмѣстѣ съ ней что нибудь и поѣсть, такъ какъ она была очень голодна. Поминутно выбѣгала бѣлая мышка на край своей норки, прислушивалась къ малѣйшему шороху; наконецъ, прождавъ нѣсколько часовъ, она подумала, что вѣрно съ матерью случилась большая бѣда. Голодъ и печаль долго не давали ей спать; но сонъ въ молодости крѣпко одолѣваетъ, и бѣдняжка кончила тѣмъ, что заснула.

На другой день Бѣляночка, по привычкѣ, проснулась очень поздно. Вспомнивъ свое горе, она почувствовала и то, что надо сейчасъ бѣжать куда нибудь за ѣдой.

Выдти среди бѣлаго дня,—а она жила на главной улицѣ, — было не совсѣмъ осторожно, но дѣлать было нечего. Она смѣло выглянула изъ норки въ столовую съ большимъ, рѣзнымъ, дубовымъ буфетомъ, но поняла однако своимъ мышинымъ смысломъ, что нельзя бѣжать прямо впередъ, а надо прежде осмотрѣться, чтобы не забыть дорогу домой и не набѣгаться напрасно. Да и мать ей часто говорила, какъ мышки должны вести себя въ свѣтѣ, и эти рѣчи, проходившія такъ часто мимо ея ушей, вдругъ всѣ припомнились ей въ рѣшительную минуту. Бѣляночка размышляла, — какую бы ей избрать дорогу... и вдругъ видитъ прямо передъ ней котъ, — черный, огромный, страшный, — предерзко спитъ на стулѣ. Еслибы у бѣдной мышки было только двѣ лапки, то при видѣ этого чудовища, этого врага всего мышинаго рода, она навѣрно упала бы навзничъ. Но она устояла на своихъ четырехъ лапкахъ, хотя и не могла сама съ собою справиться и пискнула слабымъ, чуть слышнымъ голоскомъ.

Котъ спалъ всегда однимъ только глазомъ и однимъ только ухомъ. При этомъ звукѣ онъ вскочилъ;—погибель Бѣляночки казалась неизбѣжна. Но опасность придаетъ смѣлость: вправо была дверь и подъ дверью щель, — туда-то юркнула Бѣляночка. Котъ кинулся съ размаха за ней, изо всей силы ударился объ дверь и большая шишка вдругъ вскочила у него на лбу; онъ сердито заворчалъ, какъ умѣютъ ворчать одни только толстые лабазные коты.

Бѣляночка очутилась въ прихожей и оттуда прибѣжала въ кухню. Тамъ опять новая бѣда: толстая кухарка чихала точно лошадь. Чихнула она разъ, — Бѣляночка

вскочила; чихнула другой,— и мышка спряталась въ трубу. Мигомъ вычистила она трубу своей бѣлой шубкой и выбралась въ покатый крытый желобокъ, откуда, черезъ скважину въ подвальное окно, видна была улица: — что ей до грязи, въ которой она извалялась! Она была спасена и свободна!— Такъ, по крайней мѣрѣ, думала она.

Немножко одурѣвъ отъ паденія, она потихоньку осмотрѣлась, въ надежномъ ли она мѣстѣ,— потомъ осторожно пролѣзла въ щель желоба, тихимъ шагомъ дошла до окошка и вскочила поглядѣть, что дѣлается на улицѣ. Какъ изумилась она, увидѣвъ сколько народу снуетъ взадъ и впередъ! Она въ первый разъ видѣла такое зрѣлище и спрашивала себя: вправду ли мыши должны искать себѣ пищу среди этой толпы? Подвальное окошко было на равнѣ съ плитами тротуара, а толстые бруски чугунной рѣшетки укрывали ее отъ любопытныхъ взглядовъ проходящихъ. Оттуда Бѣляночка увидѣла объѣдокъ хлѣба съ масломъ, брошенный какимъ-то школьникомъ на мостовую. Не трудно было его достать, но надо выйдти на открытое мѣсто.... За ней могутъ погнаться, могутъ даже ее убить. — Еслибы тутъ бѣгали другія мышки, и я бы побѣжала; но нѣтъ, не видно ни одной... Однако не морить же мнѣ себя голодомъ, — такъ разсуждала она и сдѣлала шагъ впередъ. Но вдругъ гадкій сапожище, съ гвоздями въ подошвѣ, грубо выступилъ по дорогѣ,— Бѣляночка такъ испугалась, что опрометью пустилась бѣжать, зацѣпила за обломокъ плошки и покатилась кубаремъ въ ямку между тумбой и тротуаромъ.

Между тѣмъ кусокъ все тамъ же, все се манитъ, а голодъ все пуще мучитъ. Бѣляночка грустно глядѣла на него, какъ вдругъ мимо шедшая большая собака проглотила его.

Это печальное событіе бросило мышку въ совершенное отчаяніе; такой добычей она прожила бы дня три, а теперь.... Что дѣлать?! Она уже не сомнѣвалась, что на этомъ же мѣстѣ умретъ съ голоду и рѣшила, что всего лучше ожидать смерти спокойно. Предаваясь такимъ глубокимъ размышленіямъ, она увидѣла около себя какой-то сѣренькій кусочекъ, почти затоптанный въ грязь. Что это такое? она глазамъ своимъ не вѣритъ, — корочка сыру! и какъ близко, — только протянуть лапку. Это ей конечно Богъ послалъ,— и не долго думая, она запустила въ него зубки. Сыръ былъ очень вкусенъ, хотя и грязноватъ, но чего не вытерпитъ хорошій аппетитъ!

Но бѣдная Бѣляночка! она еще не до конца выдержала наказаніе за свои лѣности. Не доѣла она и половины корочки, — какъ вдругъ откуда-то хлынулъ цѣлый водяной потокъ и выкинулъ ее, какъ соломенку, на мостовую: это былъ дворникъ, который вылилъ кадку дождевой воды на тротуаръ. Когда она очнулась, вокругъ нея стояли ребятишки и ворочали ее палочками съ боку на бокъ, думая что она мертвая. Она тотчасъ поняла опасность своего положенія: еще одно движеніе мальчика или ударъ лошадиной ноги,—и все кончено. Бѣляночка подобралась и стрѣлой выскочила изъ кружка шалуновъ, дѣти разошлись со смѣхомъ, а она безъ памяти бросилась въ открытую дверь мелочной лавки. Никто не замѣтилъ, какъ она притаилась за бочками съ разной крупой и оттуда пробралась поближе къ ряду сахарныхъ головъ.

Мѣсто было выбрано отличное и Бѣляночка была очень довольна; ея глазки сверкали отъ удовольствія, разсматривая множество вещей не только годныхъ ей въ пищу, но и очень лакомыхъ. Она отъ радости немножко забылась и вскочила на верхушку большой головы сахару.

Лавочникъ, давъ сдачи покупателю, окинулъ взоромъ свои товары. Вы понимаете, что Бѣляночка не долго осталась незамѣченной на своемъ пьедесталѣ.

Глаза лавочника, и безъ того очень круглые, растаращились не въ мѣру; онъ схва-

тилъ длинную палку отъ метлы и проворно бросился на мышку. Мышка едва успѣла соскочить, , а сахарная головка полетѣла и разбилась въ дребезги; что еще больше разсердило лавочника; онъ бросился за ней въ погоню. Но злоба не помогла: онъ только опрокинулъ ногой горшокъ патоки, попалъ въ мѣшокъ съ орѣхами и разсыпалъ ихъ по полу, а палкой уронилъ полдюжины банокъ съ пряниками себѣ на голову. Бѣляночка была ни жива, ни мертва отъ грохота и крика, и дотащилась кой-какъ до двери и на улицу.

Въ безопасность улицы она уже не вѣрила и побѣжала на ближайшій дворъ. Тамъ вошла она на удачу въ первую лазейку, какую увидала, и попала въ кладовую. Множество мебели и всякаго хлама было нагромождено въ кладовой, было гдѣ выбрать теплое мѣстечко для ночлега. Только на бѣду (ничто въ семъ мірѣ не совершенно) нечего было ѣсть, развѣ грызть заплеснѣлые шкафы и гнилыя тряпки; а это ей не нравилось.

Какъ бы то ни было, Бѣляночка пріютилась подъ большимъ кресломъ и намѣревалась отдохнуть; ея сердечко сильно билось и бѣдныя лапки совсѣмъ отказывались бѣгать. Она оплакивала свою горькую судьбу и разсуждала, что вся ея мышиная будущность окончательно убита.

По совѣсти она сознавалась, что всему виной было невниманіе ея къ совѣтамъ матери: не всѣ мыши несчастны; мышь всегда можетъ найти средство жить,—но вотъ этому средству она и не старалась научиться.

Видите, что Бѣляночка не щадила себя въ размышленіяхъ обо всемъ, что случилось. Вдругъ среди этихъ мыслей она вздрогнула, увидѣвъ въ углу комнаты сову. Это непріятное, растрепанное чучело сидѣло неподвижно и глядѣло на мышку своими стеклянными глазами. Мышкѣ стало страшно оставаться съ такимъ пугаломъ, и она опять выбѣжала подъ ворота. Ночь уже наступила и несчастная могла спокойно прогуливаться по неосвѣщеннымъ уголкамъ. До того ли ей было, и какія развлеченія голодному? Корочкой сыру она не долго была сыта, а теперь голодъ мучилъ ее больше прежняго. Она затосковала и уже начинала потихоньку пищать.

Вдругъ, поднявъ головку, Бѣляночка увидѣла передъ собою мать. Она тоже промучилась весь день отъ безпокойства и съ утра искала свою дочку.

Мышь-маменька съ Бѣляночкой долго и нѣжно обнимались. Наконецъ мать сказала: „пойдемъ, моя дочка, теперь мы можемъ идти спокойно.“

Онѣ перешли почти пустую улицу и черезъ полминуты вошли подъ одну изъ дверей большаго дома; тамъ поднялись по ступенямъ лощеной лѣстницы до третьяго этажа, прижавшись къ порогу, проползли подъ двойную дубовую дверь, и Бѣляночка не мало удивилась, когда увидѣла, что онѣ дома. По молодости и неопытности, она никогда не нашла бы одна свою квартиру.

Мать провела ее въ кухню, гдѣ шкапъ съ провизіей, благодаря нерадѣнію кухарки, былъ всегда отпертъ.

— Кушай, милая, досыта,— и Бѣляночка не заставила повторать приглашеніе.

— Ну, довольно; послѣ твоихъ похожденій много ѣсть нездорово. Сказавъ это, маменька повела ее за буфетъ въ свою норку. Никто еще не слыхалъ у мышей такихъ длинныхъ разсказовъ, какіе въ этотъ вечеръ происходили между ними до полуночи, а чтобы всѣ приключенія этого дня послужили на долго Бѣляночкѣ урокомъ, мать кончила разговоръ слѣдующимъ наставленіемъ:

„Помни, дочь моя, что причиной всѣхъ твоихъ несчастій была твоя лѣнь. Если бы ты вышла въ тотъ часъ, когда я тебя каждый день бужу, ничего подобнаго съ тобой бы не случилось.

„Во 1-хъ, ты не встрѣтила бы кота, — онъ съ вечера до поздняго утра таскается по крышамъ и подваламъ.

„Во 2-хъ, ты не набѣжала бы на толстую

кухарку,—она въ это время храпитъ на своей кровати, какъ паровозъ.

„Въ 3-хъ, ты не попала бы подъ уличной водопадъ, — дворники такъ рано изъ кадокъ не выливаютъ.

„Въ 4-хъ, ты безъ опасности вошла бы къ этому противному лавочнику, — нѣтъ того лавочника, который не спалъ бы въ такое время крѣпкимъ сномъ.

„На каждое дѣло, мой дружекъ, есть время, а —

Кому встать пораньше лѣнь,
Тому рыскать цѣлый день.

„Эта наша мышиная пословица справедлива не для однихъ молодыхъ мышатъ, но и для всѣхъ лѣнивыхъ и безпечныхъ.

„Подумай объ этомъ хорошенько.“

ВЪ ЧЕМЪ ГЕРОЙСТВО?

(*Продолженіе*).

ГЛАВА XI.

Вечеръ наступилъ. Великолѣпные сады Лорель-Грова были освѣщены цвѣтными фонарями, развѣшанными гирляндами. Оркестръ музыки расположился на террасѣ дома. Гости разбрелись кружками по аллеямъ сада, и изрѣдка приходили въ домъ, чтобы освѣжиться фруктами, уставленными въ одной изъ красивыхъ галлерей дома, украшенной кустами лавра и кедра, и вѣтками жасмина. Тутъ же находилось въ изобиліи и вино; и мы думаемъ, что, къ концу вечера, немногіе изъ присутствующихъ не предпочли бы натуральную веселость Фридриха шумному хохоту его товарища гардемарина. И когда Артуръ Месонъ, къ концу вечера, обратился къ Еллѣ съ кучею не совсѣмъ тонкихъ комплиментовъ, она сконфуженная и испуганная отошла за кресло своей матери; тогда онъ обратился къ мистеру Манверсу, который стоялъ къ нему задомъ, во-первыхъ, панибратски ударилъ его по плечу, и во-вторыхъ, назвалъ его „старымъ малымъ“, благодарилъ его за то, что онъ „устроилъ великолѣпную вещь“. Разумѣется, что послѣ этого Манверсъ пожелалъ, чтобы Артуръ поменьше употреблялъ вина.

Въ то время, какъ Артуръ обращался, такимъ безцеремоннымъ образомъ, съ хозяиномъ, Фридрихъ подошелъ проститься. Онъ увидѣлъ неудовольствіе на лицѣ Манверса и не могъ не сказать, смотря на своего отходящаго друга:

— Не думаю, чтобы вы желали для сына вашего стараго друга такого опьяненія отъ вина.

— Нѣтъ, молодой человѣкъ, сказалъ Манверсъ, съ оттѣнкомъ неудовольствія въ голосѣ (Стэнли какъ будто уличалъ его въ опрометчиво сказанныхъ словахъ на счетъ его воздержанія). — Конечно нѣтъ, я согласенъ съ этимъ; но есть умѣренность во всѣхъ вещахъ.

— Умѣренность? возразилъ Фридрихъ, — однако позвольте вамъ сказать: молодой человѣкъ живетъ вдали отъ всякаго, такъ сказать, родственнаго надзора, который ему еще очень-очень нуженъ, — думаете ли вы, что онъ научится умѣренности, а не втянется въ такого рода занятія, какъ выпивка? Это я говорю, какъ въ свою собственную защиту, такъ и въ защиту своего друга. Въ такіе годы и въ такомъ положеніи онъ долженъ быть крайне воздержаннымъ; „не пробуй, не тронь“ — эти слова онъ долженъ постоянно держать въ памяти.

— Вы, можетъ быть, правы, сказалъ Манверсъ. — По крайней мѣрѣ я очень доволенъ, что вы не похожи на этихъ молодыхъ людей, и онъ указалъ рукою на удалявшихся гардемариновъ. Они шли пошатываясь и во время того, какъ Манверсъ окончилъ свои слова, среди ихъ раздался взрывъ буйнаго хохота.

— Не судите ихъ строго, сказалъ Фридрихъ; — они во многихъ отношеніяхъ очень хорошіе люди. Но они не привыкли пить шампанское въ такомъ количествѣ, какъ у васъ.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого праздника, нѣсколько человѣкъ стояли на берегу въ Нью-Орлеанѣ и смотрѣли на военный корабль, который быстро удалялся на всѣхъ парусахъ. Это былъ тотъ корабль, на которомъ находились Фридрихъ и Артуръ. Среди собравшихся былъ и мистеръ Манверсъ. На шканцахъ видны были еще офицеры. Манверсъ махнулъ платкомъ; въ отвѣтъ на это ему отвѣчали трое изъ офицеровъ на кораблѣ — они сняли шапки и тоже замахали ими. Одинъ изъ нихъ прокричалъ въ рупоръ прощальное привѣтствіе, слабо донесшееся до берега. Эти трое были: капитанъ корабля, Фридрихъ и Артуръ Месонъ.

— Куда они отправляются? спросилъ кто-то изъ собравшейся толпы.

— Въ Средиземное море, былъ отвѣтъ.

Въ одно прекрасное апрѣльское утро, полтора года спустя послѣ описанныхъ происшествій, корабль стоялъ не вдалекѣ отъ маленькаго городка Испаніи Эдры. Этотъ городокъ, хотя лежитъ и у самаго Средиземнаго моря, но не имѣетъ гавани и рѣдко посѣщается военными кораблями. Капитанъ нашего корабля возвращался изъ Портъ-Маконъ въ Гибралтаръ, гдѣ ожидалъ депеши о возвращеніи въ Америку; но бывшіе продолжительное время противные вѣтры и нужда въ прѣсной водѣ принудили его остановиться въ означенномъ портѣ. Корабль сталъ на якорь въ разстояніи мили отъ берега.

Жители Эдры съ большимъ гостепріимствомъ приняли офицеровъ корабля и пригласили ихъ осмотрѣть древности, находившіяся около городка. Когда они вернулись на корабль, то съ такимъ интересомъ разсказывали о маврскихъ замкахъ и египетскихъ стѣнахъ, что Фридрихъ Стэнли и Артуръ Мэсонъ, неучаствовавшіе въ этой прогулкѣ, рѣшили посмотрѣть на нихъ до своего отплытія. На слѣдующій день они выпросили себѣ отпускъ и отправились въ городъ съ двумя лейтенантами на обѣдъ къ американскому консулу; они скоро достали себѣ лошаковъ и погонщиковъ и отправились въ горы.

Одинъ замокъ былъ осмотрѣнъ; проѣхавши нѣсколько миль, они увидѣли другой замокъ, еще болѣе замѣчательный, по словамъ проводниковъ. Едва достигли они до него, какъ туманъ превратился въ дождь. Не желая отказаться отъ удовольствія, они рѣшились переждать дождикъ, который, казалось, скоро долженъ пройдти. Но они оставались болѣе часа, а дождь шелъ себѣ да шелъ; надежды ихъ мѣнялись съ перемѣною неба, которое то минутно расчищалось отъ облаковъ, пропуская яркіе лучи солнца, то затемнялось густыми тучами. Наконецъ дождь пошелъ такъ сильно и было столько признаковъ настоящей бури, что путешественники нашли болѣе благоразумнымъ вернуться назадъ къ пристани, опасаясь, что остальные офицеры вернутся на корабль безъ нихъ. Когда они доѣхали до гостинницы — мѣсто сходки, — ихъ друзья уже уѣхали, оставивъ записку, въ которой говорилось, что состояніе погоды не позволяло долѣе дожидаться; причемъ прибавлено было, что лодка пріѣдетъ за ними съ приказаніемъ ждать до тѣхъ поръ, пока будетъ безопасно. Если же они не вернутся къ тому времени къ пристани, то лодка снова отплываетъ и тогда они должны оставаться на берегу до окончанія бури.

По прочтеніи этой записки, Фридрихъ и Артуръ немедленно пошли къ берегу искать ихъ лодку, едва впрочемъ надѣясь найти ее

тамъ. Подойдя къ морю, они увидѣли ее саженяхъ въ двадцати уже отъ берега; гребцы, какъ было видно — сильно боролись противъ высокихъ волнъ моря и порывистаго вѣтра. Они ждали до послѣдней безопасной минуты и, судя по взглядамъ, которые они кидали на берегъ, все еще не охотно отдалялись отъ него, думая вѣроятно увидѣть тамъ оставшихся офицеровъ. Увидѣвъ молодыхъ людей, они остановились и потомъ круто повернули къ берегу; лодка быстро понеслась по направленію волнъ и вѣтра. Фридрихъ и Артуръ кричали имъ продолжать ихъ путь далѣе, но ихъ голоса не достигали лодки. Напротивъ того, гребцы приняли ихъ знаки за приказъ торопиться къ берегу и дѣйствительно напрягали всѣ свои усилія къ тому. Когда лодка ударилась въ берегъ, то матросы, поднося руки къ фуражкамъ, объявили въ одинъ голосъ, что вѣтеръ усиливается ежеминутно. Старшій изъ нихъ, извѣстный за опытнаго моряка, прибавилъ, что теперь не безопасно пускаться въ путь.

— Отчего же? Вѣдь корабль стоитъ отсюда не далѣе одной мили? сказалъ Артуръ Мелонъ.

— Да, сэръ, отвѣчалъ матросъ. Но намъ половину дороги придется плыть по самому суровому мѣсту и прямо въ зубы вѣтру; а скоро налетитъ сильнѣйшій шквалъ. При этомъ матросъ указалъ на черную часть неба.

Онъ еще продолжалъ говорить, какъ уже море покрылось огромными волнами, поднялся такой сильный вѣтеръ, что ѣхать не было никакой возможности. Лодка была выдвинута и спрятана на ночь; матросы, найдя себѣ пріютъ въ ближайшемъ домѣ, получили приказаніе быть готовыми въ первую минуту, какъ буря утихнетъ, а Фридрихъ съ Артуромъ вернулись въ гостинницу.

Ничего не могло быть скучнѣе той перспективы, которая ожидала ихъ и внѣ, и внутри дома, не имѣвшаго никакихъ удобствъ и не представлявшаго никакихъ развлеченій. Они испытали все бѣдствіе сидѣть сложа руки и еще до конца вечера завидовали мокрой и бурной вахтѣ на палубѣ корабля, завидовали своимъ товарищамъ, оставшимся тамъ. Наконецъ они рѣшились лечь и проспать остальное время. Корридорный явился на ихъ зовъ, чтобы проводить ихъ въ комнаты. Артуръ посмотрѣлъ на часы: было около восьми часовъ. Съ слабою надеждою найти какое нибудь занятіе, чтобы не ложиться, онъ спросилъ лакея по испански:

— Есть у васъ билліардъ?

— Нѣтъ, сэньоръ, билліарда нѣтъ, но много игорныхъ столовъ.

— Для какихъ игръ?

— Для всякихъ; не угодно ли сэньору пойти посмотрѣть?

— Пойдемте, Фридрихъ, сказалъ Артуръ по англійски; тутъ ничего нѣтъ дурнаго— посмотрѣть.

— Мнѣ это не доставитъ никакого удовольствія, отвѣчалъ тотъ; а для васъ это будетъ опасно. Намъ, вѣроятно, скоро придется отправиться, потому что, кажется, буря начинаетъ утихать.

— Спать въ восемь часовъ! воскликнулъ Артуръ, между тѣмъ какъ самъ онъ недавно предлагалъ тоже самое. Вы идете? продолжалъ онъ, видя, что Фридрихъ зажигаетъ свою лампу. Ну доброй ночи, я немного погляжу на игру, прежде чѣмъ послѣдую вашему примѣру.

— Остерегитесь, чтобы не принять въ ней участіе, предостерегъ Фридрихъ своего друга.

Безпокойныя мысли объ Артурѣ, который проигрывалъ большія деньги въ карты, долго мѣшали Стэнли заснуть. Наконецъ онъ заснулъ; и такъ крѣпко, что Артуръ съ трудомъ добудился его, войдя къ нему въ комнату уже около трехъ часовъ ночи. Фридрихъ вскочилъ и увидѣлъ Артура, стоящаго у его постели со свѣчею въ рукахъ.

— Фредъ, наконецъ-то вы открыли глаза; я думалъ, что вы умерли; я пришелъ занять у васъ денегъ.

— Артуръ! что вы дѣлали все это время?

Уже утро, не правда ли? И зачѣмъ вамъ деньги?

— Пожалуйста, не безпокойтесь о томъ, на что мнѣ деньги: это мое дѣло. Вы ссудите мнѣ до тѣхъ поръ, пока мы вернемся на корабль.

Фридрихъ вспомнилъ все: какъ Артуръ оставилъ его въ восемь часовъ, чтобы посмотрѣть на игру въ карты, и догадался, что просьба о деньгахъ имѣла прямое отношеніе къ этому.

— Артуръ, если вамъ нужны деньги не за тѣмъ, чтобы играть, а для уплаты, можетъ быть, карточнаго долга, или для чего нибудь другаго, только не для игры, — то все, что у меня есть, въ вашемъ распоряженіи. Но если вамъ нужны деньги для того, чтобы продлить игру...

— Довольно, довольно! сказалъ надменно Артуръ; увольте меня отъ слушанья вашего безчестнаго отказа. Я просилъ только на нѣсколько часовъ, въ чемъ я не отказалъ бы даже совершенно незнакомому.

Съ этими словами Артуръ отвернулся и отошелъ къ дальнему окну. Фридрихъ замѣтилъ нетвердые шаги Артура, когда тотъ отходилъ, видѣлъ также его разгоряченное лицо и запальчивый видъ, и догадался, что его другъ впродолженіи ночи изрядно пилъ вино.

Артуръ стоялъ у окошка и что-то сердито ворчалъ про себя; потомъ, быстро обернувшись къ Фридриху, сказалъ:

— Я думаю, мистеръ Стэнли, что если мы отправимся теперь на корабль, то это будетъ согласно съ даннымъ намъ приказаніемъ: погода утихла, и нашему возвращенію не помѣшаетъ.

— Да вы отдохните лучше; вѣдь вы совсѣмъ не спали. Ничто не заставляетъ насъ отправляться до разсвѣта.

— Я не знаю, что по вашему позволяетъ намъ остаться, а знаю, что мы получили приказаніе отправляться, какъ только будетъ возможно. Мы теперь можемъ ѣхать, и я хочу исполнить приказаніе. Онъ на минуту остановился; потомъ прибавилъ: — Намѣрены ли вы за мною слѣдовать, сэръ?

— Конечно, Артуръ, если вы настаиваете, то я поѣду съ вами; но я все-таки думаю, что лучше подождать разсвѣта. Море должно быть еще очень бурно, людямъ будетъ тяжело грести. Прислушайтесь, какъ еще силенъ вѣтеръ; а при такомъ вѣтрѣ нельзя будетъ поднять парусъ.

— Если вы боитесь, вы можете оставаться; и я донесу, что вамъ показалось небезопаснымъ ѣхать. Я же думаю иначе, и потому отправляюсь.

Фридрихъ увидѣлъ, что въ такомъ ненормальномъ состояніи на Артура не подѣйствуютъ никакіе доводы: — подождите нѣсколько минутъ, сказалъ онъ и, вскочивъ съ постели, началъ быстро одѣваться. Потомъ онъ сошелъ внизъ за Артуромъ.

Да не подумаетъ читатель, что напиваться пьянымъ было привычкой Артура. Совсѣмъ нѣтъ; но тотъ, кто пьетъ хотя и немного, часто имѣетъ случай выпить черезъ мѣру, особенно за игрой въ карты: въ минуту проигрыша онъ спѣшитъ найти утѣшенье въ винѣ, подкрѣпиться, затѣмъ въ слѣдующую минуту при выигрышѣ опять выпиваетъ, но тутъ уже отъ радости и т. д.

Недалекая прогулка до берега не отрезвила Артура; и когда Фридрихъ, собравши съ трудомъ своихъ матросовъ, употреблялъ всѣ усилія, чтобы скрыть положеніе своего друга, — матросы все-таки замѣтили это, не выразивъ само собой ни звукомъ, ни жестомъ, что они это знаютъ.

Море не представляло ничего утѣшительнаго. Дождь дѣйствительно пересталъ и порою даже, когда разрывались на минуту все еще грозныя тучи, проглядывалъ блѣдный лучъ луны, освѣщая большія пѣнистыя волны; вѣтеръ, какъ думалъ Фридрихъ, былъ настолько силенъ, что паруса на маленькой лодчонкѣ распустить нельзя было, не подвергаясь опасности перевернуться. Фридрихъ, пожалуй, попытался бы еще разъ отговорить

своего друга, еслибы тотъ не настаивалъ; къ тому же онъ не хотѣлъ противорѣчить Артуру въ присутствіи матросовъ. И такъ какъ онъ не имѣлъ никакого права его останавливать, то рѣшился не отпускать его одного. Какъ только лодка стала отчаливать, Фридрихъ вспрыгнулъ въ нее и взялся за руль. Люди налегли на весла, но не смотря на ихъ усилія, лодка медленно подвигалась впередъ. Однако какъ не трудно имъ было грести противъ теченія, — они не менѣе Фридриха испугались, когда Артуръ Месонъ предложилъ распустить парусъ.

При всемъ стараніи не привлекать вниманія матросовъ на своего друга, Фридрихъ не могъ не выразить своего несогласія на это предложеніе и сказалъ, стараясь придать себѣ шутливый тонъ: — Перестаньте, перестаньте, Артуръ; наша жизнь не заколдована; опасно плыть и безъ паруса въ такую погоду, а съ парусомъ невозможно.

— Все возможно для твердой воли,—нетерпѣливо перебилъ Артуръ Фридриха, возвысивъ голосъ и разводя театрально руками. —Распустите парусъ,— обратился онъ повелительно къ одному изъ матросовъ. Тотъ нерѣшительно всталъ, чтобы исполнить приказаніе. Тогда Фридрихъ рѣшилъ, что онъ достаточно и даже слишкомъ много пожертвовалъ въ пользу чувствъ къ своему другу, и когда матросъ хотѣлъ уже приняться распускать парусъ, онъ закричалъ:— Не трогайте паруса! лодка не можетъ его выдержать.

Матросы вздрогнули отъ тона его голоса, такъ уже привыкли они къ его обыкновенно ласковому обращенію. Даже пьяный Артуръ былъ пораженъ этимъ и съ минуту смотрѣлъ на него въ безмолвномъ удивленіи. Но это продолжалось не долго.

— Вы хотите поощрять непослушаніе, сэръ? — воскликнулъ онъ.

Но Фридрихъ не обратилъ вниманія на его слова и сказалъ матросу: — возьмите ваше весло; вы не будете отвѣчать за это.

— Я говорю, что парусъ будетъ распущенъ! вскричалъ взбѣшенный Артуръ.

— А я говорю, что нѣтъ,— отвѣчалъ Фридрихъ прежнимъ рѣшительнымъ тономъ, но уже болѣе спокойно.

— Это мы сейчасъ увидимъ,— при этихъ словахъ Артуръ вскочилъ, желая вѣроятно самъ поставить парусъ. Во время этого спора лодка повернулась бокомъ къ волнамъ, такъ что, когда Артуръ вскочилъ съ мѣста, она страшно наклонилась. Какъ только онъ сдѣлалъ шагъ впередъ, лодка покачнулась, старанія его удержаться были тщетны и прежде чѣмъ его успѣли удержать, онъ былъ уже въ морѣ.

Артуръ сразу исчезъ въ волнахъ. Но, зная его за искуснаго пловца и полагаясь на то, что онъ отрезвится отъ неожиданнаго купанья, — Фридрихъ не сомнѣвался, что онъ выплыветъ, и выплыветъ ближе къ берегу, такъ какъ волны направлялись въ ту сторону. Въ самый моментъ паденія Месона, Фридрихъ закричалъ гребцамъ: — Стой! а взглядъ его былъ прикованъ къ тому мѣсту, гдѣ ему казалось, долженъ появиться Артуръ.

Еще минута — долгая, долгая минута для Фридриха и носъ лодки былъ быстро повернутъ къ берегу, и его голосъ снова раздался: „Вонъ онъ — гребите ради жизни вашей.“ Съ какимъ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ Фридрихъ за темной точкой на пѣнящихся волнахъ! Наконецъ лодка достигла этого мѣста, но того предмета, на который такъ жадно глядѣлъ Фридрихъ, уже не было, онъ исчезъ въ волнахъ. Въ одно мгновеніе сбросилъ Фридрихъ съ себя сапоги и, вскричавъ: „не двигайте лодку“, кинулся въ волны. Онъ скоро вынырнулъ съ ношею... Въ это время луна выглянула изъ-за тучь и освѣтила Фридриха. Гребцы увидѣли его и черезъ нѣсколько секундъ лодка была около. Дружественныя руки протянулись, безчувственный Артуръ былъ поднятъ въ лодку, Фридрихъ послѣдовалъ за нимъ. Онъ посмотрѣлъ на городъ, потомъ на корабль и съ

*

быстротою, которою отличались всѣ его поступки въ эти критическія минуты, онъ повернулъ лодку къ кораблю и сказалъ матросамъ, болѣе слабымъ голосомъ: „Жизнь его зависитъ теперь отъ вашихъ веселъ.“ Фридрихъ зналъ, что городъ ближе, но онъ расчиталъ, что въ городѣ гораздо дольше провозятся за отысканьемъ доктора, между тѣмъ какъ на кораблѣ ему сразу подадутъ необходимую помощь. Онъ тщательно накрылъ Артура своимъ сухимъ платьемъ и куртками людей, а между тѣмъ каждое весло работало такъ, что, казалось, нетолько жизнь ооного, но ихъ всѣхъ зависѣла отъ силы ихъ ударовъ. Въ четверть часа они уже были у корабля.

Легко представить себѣ изумленіе экипажа, когда безчувственный Артуръ былъ внесенъ на палубу матросомъ и совершенно мокрымъ Фридрихомъ.

Всѣ чувствовали однако, что въ настоящую минуту нельзя было терять времени на разспросы. Сейчасъ позвали доктора и приняты были всѣ мѣры для возвращенія Артура къ жизни.

Онъ пробылъ не долгое время въ водѣ и потому въ немъ скоро появились признаки жизни: онъ вздохнулъ и краска появилась на его лицѣ.

— Теперь позвольте узнать, какимъ образомъ у васъ вышла эта исторія? — обратился къ Фридриху старшій лейтенантъ, человѣкъ желчный и раздражительный; — что заставило васъ ночью въ бурю отправиться? подождавъ разсвѣта, вы могли бы ѣхать по тихому морю. Повидимому, и вы также были въ водѣ, какъ и Месонъ и, кажется, никто изъ васъ не былъ въ состояніи заботиться о самомъ себѣ.

— Намъ было приказано, отвѣчалъ Фридрихъ,— вернуться на корабль, какъ скоро будетъ возможно, и когда мы отправились, то при осторожномъ управленіи лодкой не представлялось никакой опасности. Паденіе Артура было случайное и могло случиться во всякое время. Я вымочился, бросившись за нимъ, чтобы его вытащить.

Докторъ замѣтилъ безпокойство, овладѣвшее Артуромъ, во время этихъ разспросовъ, который нѣсколько разъ шевелилъ губами, какъ будто собираясь вмѣшаться въ разговоръ.

— Господа, сказалъ докторъ, — если вы желаете продолжать разспросы, то, пожалуйста, не на этомъ мѣстѣ, потому что они тревожатъ больнаго.

Въ это время Артуръ сдѣлалъ знакъ доктору нагнуться къ нему и проговорилъ: — Фридрихъ не виноватъ... я все скажу...

— Не теперь, не теперь, — перебилъ его докторъ:— когда будете крѣпче, то вы разскажете. Потомъ, обращаясь къ лейтенанту, онъ прибавилъ:—Мистеръ Месонъ говоритъ, что Стэнли не виноватъ; онъ будетъ отвѣчать на всѣ ваши разспросы, когда немного оправится. Теперь же лучше его не безпокоить. А вамъ, мистеръ Стэнли, позвольте посовѣтывать сбросить вашу мокрую одежду; вы и такъ уже оставались въ ней слишкомъ долго.

Фридрихъ радъ былъ уйдти, чтобы избѣжать назойливыхъ вопросовъ и поблагодарить Бога за избавленіе отъ такой опасности. „Вотъ“, думалъ онъ, „хорошій урокъ и для моего друга: теперь онъ пойметъ, что не слѣдуетъ предаваться привычкамъ, едва не погубившимъ его.“

Артуръ между тѣмъ погрузился въ крѣпкій сонъ, отъ котораго очнулся только на другой день, послѣ полудня. Оглядѣвшись безсознательно вокругъ себя, онъ увидѣлъ глазами Фридриха, сидѣвшаго у его постели. Протянувъ ему руку, другою онъ закрылъ глаза, какъ будто стыдясь своего друга, при воспоминаніи о вчерашнемъ.

Фридрихъ крѣпко пожалъ ему руку и весело сказалъ:

— Ну что, Артуръ, какъ вы себя чувствуете сегодня?

— О, Фридрихъ, что было бы со мною безъ васъ!

— Скажите лучше, что было бы безъ Божьей помощи.

— Это такъ, Фридрихъ; но многіе ли, какъ вы, согласились бы рисковать своею жизнью и еще для того, кто съ вами такъ дурно обращался?!

— Но вспомните, Артуръ, вы тогда не знали, что дѣлали

— Правда, правда; но это плохое извиненіе. Я обѣщаюсь и даю слово, никогда больше не дотрогиваться до картъ. Вчера я васъ оскорблялъ вслѣдствіе глупаго раздраженія отъ проигрыша; я надѣюсь, что этого никогда не будетъ.

Фридрихъ обрадовался и, схвативъ руку друга, сказалъ: Какъ я радъ!! Вѣдь вы побѣдили одного доселѣ непобѣдимаго для васъ врага. Съ другимъ, остающимся у васъ, вы вѣроятно также скоро раздѣлаетесь.

Артуръ покраснѣлъ, отвѣчая:

— Въ этомъ случаѣ я съ вами не совсѣмъ согласенъ, я знаю, на что вы намекаете. Но невоздержанность въ употребленіи вина не составляетъ моей привычки.

— Я согласенъ съ этимъ, но...

— Поэтому, если я стану избѣгать случаевъ, которые могутъ возбудить неумѣренность, то я сдѣлаю все, что отъ меня требуется. Но я не хочу прослыть оригиналомъ, на котораго станутъ указывать пальцами.

Послѣ нѣкотораго молчанія, Артуръ продолжалъ:

— Я чувствую, что мнѣ не слѣдовало бы вамъ отказывать въ чемъ бы то ни было. Но мнѣ легче броситься за васъ въ разъяренное море, чѣмъ выносить замѣчанія и насмѣшки, которыя вы возбудили, помните, своими странностями.

— Дѣйствительно, это трудно сначала; за то потомъ, какое удовольствіе я испытывалъ, когда побѣдилъ въ себѣ боязнь насмѣшекъ. Въ сторону это, я не хочу, чтобы вы дѣлали что нибудь изъ благодарности ко мнѣ. Кстати, какимъ образомъ вы узнали, что я принималъ участіе въ вашемъ спасеніи? Вѣдь вы были безъ памяти съ того времени, какъ я васъ вытащилъ, до того, какъ васъ привели въ чувство здѣсь на палубѣ.

— Да, сначала-то я былъ въ памяти, какъ упалъ въ воду; я вынырнулъ и старался плыть по направленію вашего голоса; но со мной сдѣлались судороги и я пошелъ ко дну—далѣе я ничего не помнилъ. Вчера же, очнувшись здѣсь, я попросилъ доктора позвать матроса, бывшаго со мной на лодкѣ, и отъ него я узналъ всю исторію. Еслибы вы могли слышать всѣ его похвалы о васъ!

— Ну, я увѣренъ, что не найдется ни одного человѣка изъ экипажа, который не бросился бы въ воду для спасенія своего друга.

— Но немногіе изъ экипажа могли бы выказать столько рѣшимости и быстроты вмѣстѣ съ такимъ хладнокровіемъ, какъ выказали вы; это еще болѣе послужило къ моему спасенію, чѣмъ то, что вы бросились въ воду.

ГЛАВА XII.

резъ два мѣсяца послѣ описаннаго нами случая, корабль, на которомъ находились наши друзья, вернулся въ Соединенные Штаты. Но Фридрихъ и Артуръ не вернулись на немъ. По совѣту и по ходатайству капитана, они были переведены на другой бригъ, остававшійся еще нѣкоторое время за границей.

Но не долго и этотъ корабль оставался въ Европѣ и скоро Артуръ и Фридрихъ очути-

лись опять у Новаго Орлеана. Чрезъ нѣсколько дней Фридрихъ, отпросившись въ отпускъ, поѣхалъ съ пріятными надеждами въ Лорель-Гровъ. Онъ уѣхалъ изъ Европы еще въ то время, когда тамъ едва-едва показывалась растительность, потому, подъѣзжая къ знакомымъ мѣстамъ помѣстья Манверса, онъ восхищался его цвѣтущими растеніями, къ тому же ему пріятно было видѣть давно знакомыя мѣста.

Въ полдень онъ былъ въ Лорель-Гровѣ. Самаго Манверса не было; сказали, что онъ вернется къ обѣду.

— А лэди—дома? спросилъ Фридрихъ.

— Мистриссъ Делане нездорова, а миссъ Манверсъ вышла; она скоро придетъ назадъ. Не желаете ли войти?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Стэнли на это приглашеніе: я погуляю немного и черезъ часъ вернусь.

— Если вы пойдете по этой дорогѣ, сказалъ швейцаръ, то вы можете встрѣтить миссъ Еллу.

Фридрихъ отправился по указанной дорогѣ. Онъ шелъ тихо, со вниманіемъ разсматривая знакомые предметы.— Помнитъ ли Елла меня? спрашивалъ онъ себя.

Пройдя не болѣе четверти мили, онъ очутился въ селеніи негровъ. Это были красивые крѣпкіе домики съ садиками передъ каждымъ. Фридрихъ замѣтилъ передъ однимъ изъ нихъ кучу дѣтей и подошелъ къ нимъ.

— Не знаете ли, гдѣ находится миссъ Манверсъ? спросилъ онъ ребятъ.

— Кого вамъ угодно? спросилъ одинъ изъ толпы смѣшавшихся негритенковъ.

— Миссъ Еллу Манверсъ, повторилъ Фридрихъ.

— А она въ этомъ домѣ, отвѣчалъ мальчикъ, показывая ему дорогу; у тетки Жюдай.

Фридрихъ скоро былъ у того дома. Дверь въ него была отворена, какъ будто приглашая войти. Но онъ побоялся идти въ домъ, сообразивъ, что какъ бы коротко не принимали его у Манверса, все таки онъ былъ знакомъ съ этимъ семействомъ очень недолгое время; Елла могла его и позабыть. И что, если онъ войдетъ къ ней, а она его не узнаетъ? Придется самому себя рекомендовать; Фридрихъ же не хотѣлъ себя ставить въ неловкое положенье. Удерживаемый такого рода соображеніями, онъ подошелъ къ полураскрытому окну дома. Онъ услышалъ тихій мелодичный голосъ, читающій что-то. Заглянувъ въ окно, онъ увидѣлъ трогательную картину.

Тамъ лежала больная черная женщина со сложенными на груди руками. Передъ нею сидѣла Елла Манверсъ съ опущенными кудрями, которыя закрывали ей все лицо; она читала изъ толстой книги:

„*Я воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ меня, если и умретъ, оживетъ. Всякій живущій, вѣрующій въ меня, не умретъ во вѣкъ*“.

— Прочитайте это еще разъ, тихо сказала больная старуха.

Елла прочитала.

— Какъ хорошо! Господи, какъ хорошо! сказала негритянка. Я слушала священника, когда онъ читалъ проповѣдь и объяснялъ эти слова. Это значитъ, онъ говорилъ, что всякій человѣкъ — черный и бѣлый — если увѣруетъ въ Христа, будетъ послѣ смерти вѣчно жить съ Нимъ на небѣ. Я скоро, значитъ, увижусь съ моей старой госпожей, вашей мамашей; а потомъ и вы тамъ будете, миссъ?

Голосъ старушки ослабѣлъ. Елла заботливо поднесла ей лекарство. Она была совершенно закрыта волосами отъ Фридриха; но онъ могъ видѣть, какъ слезы капали изъ ея глазъ на лежавшую передъ ней книгу.

— Не желаете ли, чтобы я вамъ еще прочитала изъ евангелія? спросила Елла.

— Нѣтъ, благодарю васъ. Если будете такъ добры, то помолитесь вмѣстѣ со мной. Можетъ быть, завтра, я буду молиться за васъ на небѣ.

Елла встала. Фридрихъ быстро отскочилъ отъ окна, боясь быть замѣченнымъ. Когда онъ снова взглянулъ туда, Елла стояла на колѣняхъ и читала молитву. Содержаніе молитвы было очень просто, какъ проста была женщина, для которой читалась молитва, но она выражалась Еллою такъ горячо, съ такимъ чувствомъ, какъ будто она исходила прямо изъ души Еллы.

По окончаніи молитвы, во время которой Фридрихъ стоялъ съ непокрытою головою, онъ отошелъ, думая, что Елла оскорбится, узнавъ о его подслушиваньи.

Онъ отправился къ дому. На дорогѣ, припоминая слышанныя имъ слова негритянки Жюдей и то, что Елла была въ траурѣ, — онъ догадался о смерти хозяйки Лорель Грова, мистриссъ Манверсъ. Къ тому же онъ вспомнилъ, что и швейцаръ ничего не упоминалъ о ней. Дома онъ встрѣтилъ Манверса и взглянувъ на его печальное лицо, убѣдился окончательно въ смерти его жены: Манверсъ обрадовался пріѣзду Фридриха. Вскорѣ пришла и Елла, и сначала не узнала гостя, но потомъ, когда отецъ напомнилъ ей, она съ удовольствіемъ протянула руку Фридриху, какъ старому знакомому.

Елла выросла, пополнѣла и была уже не дѣвочкой, а взрослой женщиной. Она была нѣсколько блѣдна, скучая по матери; впрочемъ обхожденіе ея осталось такое же, какъ и прежде—наивное, дѣтское.

Мистриссъ Делоне, вышедшая послѣ, опираясь на руку внучки, также была довольна пріѣздомъ Фридриха. Она была совершенно спокойна и не тосковала о потери дочери, надѣясь вѣроятно скоро увидѣться съ нею.

— Гдѣ вы были сегодня, папа? спросила Елла своего отца.

— Я былъ въ городѣ, отвѣчалъ тотъ.

— Меня упрашиваютъ сдѣлаться представителемъ на конгрессѣ; прежній уже лежитъ на смертномъ одрѣ. Есть еще человѣкъ, достойный на это мѣсто по своимъ способностямъ, но онъ не сходится своими убѣжденіями съ партіею, къ которой я принадлежу.

— Что же, папа, вы собираетесь ѣхать?

— Трудно сказать тебѣ это, дочь моя. Бываетъ, что я хочу всѣмъ пожертвовать для своей родины, потомъ опять перевѣшиваютъ обязанности помѣщика и семьянина. Впрочемъ мнѣ скоро нужно будетъ рѣшиться, такъ какъ выборы будутъ чрезъ три недѣли.

— Но вы навѣрное поѣдете, если васъ выберутъ въ депутаты? спросила мастриссъ Делоне.

— Само собой. Только не изъ желанія личной выгоды, а чтобы защищать въ конгрессѣ дѣла, которымъ сочувствуетъ большинство моихъ сосѣдей.

— Мнѣ кажется, что вы даже не имѣете права отказываться отъ выбора, — сказала Делоне.

— Дѣла мои могутъ быть ввѣрены надежнымъ рукамъ; но на кого я оставлю васъ и мою дочь Еллу?

— Да вы можете взять Еллу съ собою; ей это будетъ еще полезно. А что касается до меня, то мнѣ и одной будетъ здѣсь весело.

— Но, бабушка, сказала Елла быстро, —папа не желаетъ, чтобъ я съ вами разсталась, и.. тутъ она остановилась.

— Если ты этого желаешь, то можешь остаться, мой милый мятежникъ, сказалъ Манверсъ. Можешь отказать мнѣ.

— Не отказать, папа; а заставить васъ обсудить вопросъ. Не правда ли, это—фраза конгресса, шутливо сказала Елла.

Мистриссъ Делоне опять вмѣшалась въ разговоръ.

— Если вы и оставите насъ, то не на долго, потому что конгрессъ скоро будетъ распущенъ. Во всякомъ случаѣ вы не должны для насъ жертвовать долгомъ къ родинѣ. А вы что скажете, мистеръ Стэнли? — Разговоръ сдѣлался общимъ. Фридрихъ съ Манверсомъ заговорили о трудности торговыхъ сношеній съ иностранными державами, о вѣ-

роятной войнѣ съ Англіею. Въ разговоръ вмѣшивались и бабушка Делоне и Елла.

Когда Фридрихъ, уѣзжая, прощался, мистеръ Манверсъ пригласилъ его пріѣзжать къ нему на болѣе долгій срокъ, на недѣлю примѣрно, и просилъ привезти съ собой своего друга Мэсона.

— Я не думаю, чтобы было возможно пріѣхать мнѣ вмѣстѣ съ Артуромъ, отвѣчалъ Фридрихъ; потому что мы скоро уѣзжаемъ, и офицеры очень нужны.

— Ну, что же, сказалъ Манверсъ, тогда пріѣзжайте поперемѣнно. Я радъ буду видѣть васъ у себя подольше. Скажите мистеру Мэсону, что я его съ удовольствіемъ жду у себя всякій разъ, какъ ему позволитъ служба.

Фридрихъ вернулся на бригъ. Сговорившись съ Артуромъ, что онъ первый поѣдетъ въ Лорель-Гровъ, Стэнли на другой день былъ уже тамъ.

ГЛАВА XIII.

тецъ Еллы согласился быть депутатомъ на конгрессѣ, и приготовленія къ наступающимъ выборамъ заставляли его часто отлучаться изъ дому. Фридрихъ занимался верховою ѣздой, чтеніемъ или бесѣдовалъ съ Еллою и ея бабушкою. Разговоры ихъ чаще всего касались родителей Фридриха; Елла слушала его съ большимъ вниманіемъ и принимала живое участіе во всемъ, что занимало Фридриха. Такимъ образомъ Фридрихъ привыкъ къ нимъ, и мысль, что его скоро призовутъ къ службѣ, отправятъ куда нибудь далеко отъ этихъ мѣстъ, часто наводила на него грусть.

Наконецъ наступилъ тотъ день, когда ему нужно было разстаться съ дорогими его сердцу обитателями Лорель-Грова. Манверсъ пріѣхалъ изъ города, чтобы проститься съ Фридрихомъ. Часъ за часомъ откладывалъ Фридрихъ свою поѣздку, но наконецъ нельзя уже было болѣе оставаться. Онъ сталъ прощаться съ Делоне.

— Прощайте, сынъ мой, сказала почтенная старушка.— Я всегда буду вспоминать о васъ и прошу писать къ намъ хоть изрѣдка.

— Благодарю васъ за позволеніе; я имъ непремѣнно воспользуюсь.

Фридрихъ просилъ, чтобы Делоне тоже писала къ нему и, когда она отказалась, сказавши, что давно уже не писала никому писемъ, онъ обратился къ Манверсу съ тѣмъ, чтобъ онъ позволилъ Еллѣ писать къ нему за бабушку.

Манверсъ согласился на это.

Въ какомъ восторгѣ былъ Фридрихъ отъ согласія Манверса, видя возможность узнавать изъ этихъ писемъ о здоровьи Еллы, такъ какъ онъ надѣялся, что она непремѣнно будетъ писать и о себѣ!

Манверсъ пошелъ провожать Фридриха до лодки, которая должна была везти его на бригъ и привезти къ берегу Артура. Фридрихъ шелъ все время задумчивый. Недоходя нѣсколькихъ шаговъ до пристани, Фридрихъ остановился и объявилъ Манверсу о своихъ чувствахъ къ его дочери и о надеждѣ, которую онъ питалъ.

Манверсъ выслушалъ его и, когда тотъ кончилъ, спросилъ его: — говорили ли вы, сэръ, объ этомъ съ Еллою?

— Никогда, отвѣчалъ Фридрихъ. Я старался не высказывать этого даже взглядомъ.

— Очень хорошо, сэръ. Вы поступили благородно. Я радъ за васъ и за Еллу, что вы не выдали себя ни словомъ, ни взглядомъ,

такъ какъ первая красивая дѣвушка, которую вы встрѣтите, можетъ уничтожить въ васъ впечатлѣніе, произведенное моею дочерью.

Фридрихъ хотѣлъ возражать, но Манверсъ перебилъ его.

— Я знаю, что вы хотите мнѣ сказать; я самъ былъ молодъ. Но то, что я сказалъ, можетъ случиться. Мнѣ кажется, что переписка ваша съ Еллою должна переходить чрезъ руки ея бабушки; не такъ ли?

Фридрихъ поклонился въ знакъ подтвержденія.

— Въ такомъ случаѣ я ничего не нахожу противъ этой переписки; только ведите ее такъ, чтобы не было никакихъ намековъ на вашу любовь къ Еллѣ. Употребляйте переписку, какъ средство поддержать знакомство, и если чрезъ три года чувства ваши не перемѣнятся, я даю вамъ слово не препятствовать вашему браку съ Еллой. Но это будетъ въ такомъ случаѣ, если и я буду о васъ такого же мнѣнія, какъ теперь.

Фридрихъ просилъ сократить хотя немного этотъ срокъ, но Манверсъ рѣшительно отказалъ.

— Три года скоро пройдутъ,— закричалъ Манверсъ, когда лодка отчалила отъ берега.

Никогда Фридрихъ не ощущалъ чувства зависти; но теперь, когда Артуръ отправился въ Лорель-Гровъ, онъ испытывалъ это чувство. Онъ не могъ равнодушно думать о томъ, что Артуръ замѣнитъ его, будетъ товарищемъ Еллы въ ея прогулкахъ. Онъ былъ увѣренъ, что Артуръ понравится Манверсу и его дочери. Артуръ былъ въ восхищеніи отъ Еллы; она заключала въ себѣ все, что искалъ онъ въ женщинѣ. Елла хорошо ѣздила на лошади имѣла пріятный голосъ, артистически играла на разныхъ инструментахъ, и этого достаточно было для пылкой натуры Месона. Во все время пребыванія своего въ Лорель-Гровѣ, онъ старался снискать себѣ расположеніе Еллы, и былъ слишкомъ увѣренъ въ себѣ, чтобы сомнѣваться въ успѣхѣ. Непріученный къ воздержанности, онъ не могъ слѣдовать примѣру Фридриха и не высказать своихъ чувствъ. Уже нѣсколько разъ порывался онъ объяснить Еллѣ свои чувства, но каждый разъ она отклоняла это.

Въ послѣдній день его пребыванія въ Лорель-Гровѣ онъ оставался одинъ съ Еллою. Елла пѣла романсъ, который весьма понравился Артуру.

— Грустно думать, сказалъ Артуръ, что я долго не буду имѣть удовольствія слушать пѣніе.

— Отчего же? Неужели вамъ не позволено пѣть на кораблѣ? Я думаю есть офицеры, которые умѣютъ пѣть, сказала Елла.

— Мнѣ до этого дѣла нѣтъ. Вы меня не понимаете или, лучше, не хотите понять. Долженъ ли я объяснить вамъ...

— Не говорите мнѣ ничего такого, сэръ, что вы желали бы скрыть отъ папа и бабушки.

Елла встала и хотѣла уйти изъ комнаты, но Артуръ остановилъ ее.

— Позвольте, Елла! Я очень желаю, чтобы вашъ отецъ зналъ о моихъ къ вамъ чувствахъ. Я намѣренъ самъ объ этомъ сказать ему... но не прежде, какъ узнаю о вашемъ взаимномъ расположеніи.

— Если хотите знать, сэръ, мои чувства къ вамъ такія же, какъ къ каждому новому знакомому, котораго рекомендовалъ мнѣ отецъ.

Затѣмъ Елла поклонилась и вышла изъ комнаты. Артуръ не пытался ее болѣе удерживать. Онъ былъ озадаченъ. Такая простенькая дѣвушка (какъ казалось ему) поступила съ нимъ такъ, какъ онъ не ожидалъ. Онъ понялъ, что игралъ жалкую роль въ послѣдніе три дня, желая заставить ее замѣтить то, что она ясно уже видѣла. Онъ съ радостью бы уѣхалъ тотчасъ же, если бы могъ найти къ этому хоть какой нибудь поводъ. Елла желала этого не менѣе его. Она ушла отъ Артура съ тѣмъ, чтобы не видѣться съ нимъ болѣе. Но это намѣ-

реніе трудно было исполнить. Насталъ обѣденный часъ. Елла не хотѣла отговариваться болѣзнью, хотя у ней въ дѣйствительности болѣла голова, что произошло отъ непривычнаго волненія; но этимъ она могла причинить большое безпокойство отцу и бабушкѣ, и потому рѣшилась провести еще часъ въ обществѣ Артура. Кромѣ того она могла возбудить неудовольствіе отца противъ Артура, если бы объявила настоящую причину своего нежеланія идти за столъ. Но она была на столько великодушна, что рѣшилась не только идти къ обѣду, но и при прощаніи старалась не показать и виду о томъ, что между ними произошло.

Елла явилась къ столу, какъ ни въ чемъ не бывало, что не мало удивило Артура. Она была съ нимъ по прежнему учтива. Только Артуръ одинъ замѣчалъ въ ней перемѣну; не было уже прежней свободы обращенія, что впрочемъ не казалось ему непріятнымъ. Онъ сознавалъ, что поспѣшилъ своимъ объясненіемъ, что Елла должна была такъ поступить съ нимъ, чтобы наказать его самоувѣренность. Артуръ рѣшился исправить этотъ промахъ. Онъ думалъ, предъ отплытіемъ, ходатайствовать чрезъ ея отца о прощеніи, а въ это время вести себя, какъ смиренный ея поклонникъ. Замѣчая краску, показывавшуюся на лицѣ Еллы каждый разъ, какъ онъ обращался къ ней съ вопросами, онъ заключилъ о томъ, что такое поведеніе увѣнчается успѣхомъ. Предавшись такимъ надеждамъ, Артуръ простился съ хозяевами и уѣхалъ.

ГЛАВА XIV.

Въ день выборовъ Фридрихъ и Артуръ были отпущены въ городъ. Имъ хотѣлось скорѣе узнать о торжествѣ Манверса, казавшимся имъ несомнѣннымъ. Около двухъ часовъ они вошли въ гостинницу, не подозрѣвая, что въ ней назначено было совѣщаніе партій. Артуръ въ скоромъ времени отлучился, вспомнивъ о свиданіи, назначенномъ имъ какому-то джентельмену, а Фридрихъ сѣлъ къ окну и читалъ газету. Около него собралась кучка народу. Они очень шумѣли, разговаривая о предстоящихъ выборахъ. Одинъ изъ говорящихъ обратилъ на себя вниманіе Фридриха своимъ краснорѣчіемъ. Это былъ нѣкто капитанъ Грэмби, пріѣхавшій изъ острововъ Западной Индіи. Его тонкія черты, темная кожа, черные волосы и усы, такіе же глаза, безпокойно переходившіе съ одного предмета на другой, странно отличали его отъ стоящаго подлѣ поселянина съ широкою грудью, широкими плечами, добродушнымъ лицомъ, голубыми глазами и волосами пепельнаго цвѣта.

— Не знаю, какъ васъ зовутъ, сэръ, говорилъ поселянинъ, я не могу согласиться съ вами, потому что тотъ Манверсъ, котораго я знаю, не способенъ дѣлать такихъ низкихъ вещей. Между прочимъ я думаю, что на этомъ билетѣ написана его фамилія.

— Можетъ быть это и не вашъ другъ. Какъ зовутъ вашего друга?

— Его зовутъ, кажется, Карломъ. Онъ пріѣхалъ откуда-то съ сѣвера, женился на дочери старика Делоне, и жилъ въ то время, когда я его зналъ, въ Лорель-Гровѣ.

— О нѣтъ! это совсѣмъ другой Манверсъ. Онъ пріѣхалъ сюда изъ Западной Индіи, и хотя говоритъ, что родился въ Америкѣ, но многіе предполагаютъ, что онъ британскій подданный.

— Какъ! онъ британецъ? Нѣтъ, онъ не получитъ ни за что голоса стараго Бекъ-Берда. При этомъ Бекъ-Бердъ (такъ звали поселянина) разорвалъ билетъ и бросилъ на полъ.

— Позвольте теперь, сказалъ капитанъ Грэмби, дать вамъ билетъ для Ламота, настоящаго луизіанца, родившагося и воспитавшагося здѣсь, какъ и вы.

— Вы ошиблись, милый, я не здѣсь ро-

дился; но все равно, луизіанецъ все-таки лучше британца. Дайте мнѣ билетъ.

Фридрихъ слышалъ этотъ разговоръ, и, когда Бекъ-Бердъ протянулъ руку за билетомъ, онъ всталъ и сказалъ очень спокойно:

— Прежде чѣмъ вы возьмете этотъ билетъ, позвольте сказать вамъ, что Манверсъ, кандидатъ на упраздненное мѣсто въ конгрессѣ, родомъ изъ Кантеккута, пріѣхалъ сюда молодымъ, женился на дѣвицѣ Делоне и живетъ до сихъ поръ въ Лорель-Гровѣ.

— Можете ли вы утверждать, сэръ, сказалъ Грэмби, обращаясь къ Фридриху, что я лгу?

— Я ничего не утверждаю, отвѣчалъ Фридрихъ; мои возраженія понятны: вы видите сами.

— Я полагаю, сэръ, что вы хорошо обдумали ваши слова. Я пришлю къ вамъ завтра моего секунданта.

— Можете не трудиться. Позвольте замѣтить, что каждый изъ насъ можетъ говорить о человѣкѣ то, что ему извѣстно о немъ.

Принимая спокойствіе Фридриха за робость, капитанъ подошелъ къ нему съ угрожающимъ видомъ, говоря:

— Вы оскорбили меня и думаете такъ дешево отдѣлаться.

Фридрихъ ни на шагъ не сдвинулся съ мѣста. Смотря прямо ему въ глаза, онъ сказалъ:

— Что касается до оскорбленія, — я его не дѣлалъ вамъ. Я сказалъ правду, и, если она кажется вамъ оскорбительною, то вы сами въ этомъ виноваты, такъ какъ противорѣчите ей. Если вы имѣете сколько нибудь уваженія къ себѣ, то совѣтую вамъ оставить меня въ покоѣ.

Капитанъ былъ взбѣшенъ. Отступивъ на нѣсколько шаговъ отъ Фридриха, онъ закричалъ:

— Господа! вотъ лазутчикъ партіи Манверса; онъ пришелъ сюда отбивать у насъ голоса.

Всѣ, находившіеся въ этой комнатѣ, не обращали никакого вниманія на происходившее; но этотъ возгласъ заставилъ ихъ обернуться.

— Вытолкать его вонъ! выбросить его изъ окошка! — раздалось со всѣхъ сторонъ.

Бекъ-Бердъ принялъ сторону Фридриха.

— Выслушайте меня, господа, сказалъ Фридрихъ, и потомъ я охотно соглашусь, чтобы вы судили меня.

Большая часть присутствующихъ согласились на это. Немногіе только настаивали на прежнемъ рѣшеніи, но ихъ протестъ не имѣлъ силы.

Впродолженіе всей этой сцены лицо Фридриха не измѣнялось; спокойно слѣдилъ онъ за дѣйствіями лицъ, старавшихся добраться до него.

Когда волненіе утихло, онъ началъ:

— Я не лазутчикъ, господа, и даже не имѣю права голоса, какъ показываетъ это мой мундиръ. Я вошелъ сюда, чтобы пообѣдать, и совсѣмъ не зналъ, что здѣсь назначено совѣщаніе партій. Я не заводилъ ссоры, а сказалъ о Манверсѣ для того, чтобы увѣрить того господина (онъ показалъ на Бекъ-Берда), что это тотъ самый Манверсъ, который живетъ въ Лорель-Гровѣ. Если я сказалъ неправду, вы можете меня наказать.

Въ то время, какъ Фридрихъ говорилъ, въ комнату входилъ Вильярсъ, одно изъ вліятельныхъ лицъ, участвовавшихъ въ совѣщаніяхъ. Фридрихъ весьма ему обрадовался, такъ какъ видѣлъ въ немъ себѣ помощника.

— Вы, я вижу, сказалъ Вильярсъ, одержали побѣду и безъ моей помощи; но я все-таки радъ, что поспѣлъ во-время, потому что могу увѣрить друзей моихъ, что они уступили только правдѣ.

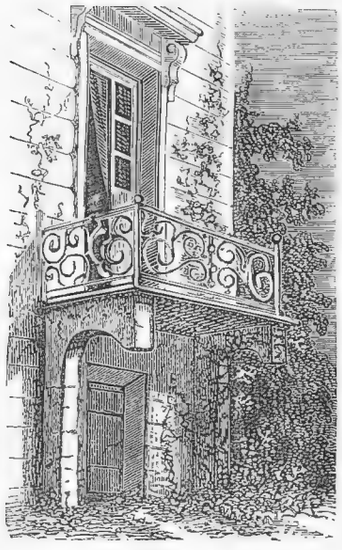
— Я хорошо знакомъ, господа, съ этимъ джентельменомъ сказалъ онъ, и увѣряю васъ, что онъ не лазутчикъ. Вильярсъ пригласилъ Фридриха обѣдать съ нимъ, но тотъ отказался, потому что спѣшилъ предупредить Артура, чтобы онъ не ходилъ въ этотъ домъ. Предъ самымъ выходомъ, онъ оглянулся, ища глазами Бекъ-Берда.

*

— Я иду за вами, сказалъ Бекъ-Бердъ, но мнѣ хочется раздѣлаться съ тѣмъ господиномъ, который старался меня провести.

Это желаніе не было исполнено, потому что капитанъ скрылся во время суматохи, которую самъ затѣялъ, и Бекъ-Берду пришлось отложить до благопріятнаго случая свое доброе намѣреніе — дать хорошее нравоученіе.

ГЛАВА XV.



дѣ же былъ Артуръ во время этой сцены?

Назначивъ своему Руссо свиданіе въ гостинницѣ, онъ теперь поджидалъ его съ нетерпѣніемъ. Руссо, образецъ точности, явился туда въ два часа и не засталъ Артура (тотъ еще не приходилъ). Прождавъ минутъ десять, Руссо вышелъ изъ гостинницы, оставивъ записку Артуру, въ которой онъ извинялся, что не могъ дождаться его, обѣщая вернуться чрезъ полчаса. Недовольный тѣмъ, что онъ не засталъ Руссо, а еще болѣе тѣмъ, что ему придется дожидаться, Артуръ сталъ нетерпѣливо расхаживать изъ угла въ уголъ по комнатѣ, поглядывая ежеминутно на часы.

Пока Артуръ расхаживалъ по комнатѣ, пришли двое какихъ-то господъ и оживленно разговаривали, продолжая, какъ видно, очень веселый разговоръ. Хохотъ собесѣдниковъ надоѣдалъ Артуру и онъ оглянулся, нѣтъ ли гдѣ мѣста, съ котораго не слышно было бы разговору, какъ вдругъ имя Манверса долетѣло до его уха; не находя, повидимому, нужнымъ уходить, онъ остался.

Разговоръ продолжался.

— Что же отвѣчалъ на все это поселянинъ? говорилъ одинъ голосъ.

— О! этотъ честный человѣкъ, не дурачившій никого въ жизни, и не подозрѣвалъ слѣдовательно этого; такъ, что онъ былъ почти нашъ; вдругъ выскакиваетъ молодой интриганъ и подобно морской собакѣ, лицемѣрнымъ голосомъ (изъ любви къ правдѣ, какъ онъ говорилъ), вступается и разстроилъ всѣ мои труды. Я простилъ бы ему потерю одного голоса, ради изумленнаго лица Бенъ-Берда — это была лучшая сцена, изъ видѣнныхъ мною; но вмѣшательство въ мои дѣла не могло, вы знаете, пройти даромъ; я слегка намекнулъ молодому джентельмену о томъ, какимъ образомъ мы — военные люди — примиряемъ подобныя дѣла и ни разу въ моей жизни я не видалъ такого быстраго отступленія, послѣдовавшаго за моими словами со стороны молодаго джентельмэна!

— Какъ! на попятную?!

— Да, да. Жаль, что вы не видѣли его; это была очень забавная сцена: проситъ, знаете, извиненія: не думалъ васъ оскорбить, — и тому подобныя вещи. Наконецъ, увидѣвъ, что драться онъ не намѣренъ и что Бенъ-Бердъ предупрежденъ и его не сбить во второй разъ, — я ушелъ.

— Кто же былъ этотъ миролюбивый джентельмэнъ?

— А, это самая странная часть исторіи. Онъ былъ молодой человѣкъ — морякъ, съ довольно красивымъ лицомъ, еслибы не былъ такъ блѣденъ.

— Неужели вы говорите о молодомъ Стэнли?

— Онъ и есть, сказалъ капитанъ Грэмби, котораго читатель, вѣроятно, уже узналъ въ его самохвальномъ разсказѣ о сценѣ съ Фридрихомъ.

Едва капитанъ успѣлъ произнести послѣд-

нія слова, какъ онъ уже лежалъ на полу.

— Низкій клеветникъ! кричалъ Артуръ, сшибшій его ударомъ кулака со стула и стоявшій теперь надъ нимъ; — сейчасъ же отказывайтесь отъ своихъ словъ; вы знаете, что все сказанное вами про Стэнли клевета.

Паденіе капитана и громкій голосъ Артура привлекли многихъ зрителей, изъ которыхъ многіе вступились за капитана и оградили его отъ дальнѣйшихъ покушеній Артура.

Тогда капитанъ Грэмби, увѣрившись въ своей безопасности отъ горячихъ порывовъ Артура, немедленно принялъ угрожающій видъ и сказалъ:

— Благодарите Бога за то, что эти господа вступились, а то бы вы были немедленно наказаны.

Быстрое движеніе Артура высвободиться отъ защиты, которой, по словамъ капитана, онъ долженъ быть благодаренъ, заставила того отскочить подальше отъ Артура. Но все таки обезпеченный отъ своего яраго противника, капитанъ пріободрился и сказавъ: „Вы скоро обо мнѣ услышите,“ направился вонъ изъ комнаты; впрочемъ недалеко, потому что онъ остановился въ этой же гостинницѣ.

Пріятель капитана, вѣроятно склонный залечивать раны оскорбленному самолюбію, сказалъ тотчасъ же по выходѣ изъ комнаты, гдѣ происходила только что описанная сцена:

— Васъ, я думаю, мало знаютъ въ Новомъ Орлеанѣ, капитанъ Грэмби, — „мнѣ, какъ другу, очень пріятно будетъ пособить вамъ въ этомъ щекотливомъ дѣлѣ.“

— Благодарю васъ, любезный другъ; вы очень добры. Тутъ послѣдовала длинная пауза, впродолженіи которой г. Киркпатрикъ внимательно смотрѣлъ на капитана — но знаете ли вы этого молодаго человѣка?

— Нѣтъ; но онъ носитъ мундиръ, и слѣдовательно джентльмэнъ. Если вы принимаете мои услуги, продолжалъ Киркпатрикъ, то позвольте мнѣ вашу карточку; я передамъ ее вашему противнику и принесу вамъ его карточку; карточка была подана и г. Киркпатрикъ отправился съ порученіемъ. Оставшись одинъ, капитанъ началъ браниться, зачѣмъ онъ поставилъ себя въ такое положеніе и старался найти средство отдѣлаться какъ-нибудь отъ поединка, до которыхъ вообще былъ не охотникъ. Единственное средство было бѣжать изъ Новаго Орлеана. Трудно было ему рѣшиться на это, такъ какъ онъ игралъ важную роль во всей той исторіи, изъ-за которой долженъ былъ драться съ Артуромъ. Отказаться же отъ дуэли съ Артуромъ значило оскорбить Киркпатрика, который непремѣнно самъ вызвалъ бы капитана. Никогда не молился онъ еще такъ усердно, какъ въ этотъ день, чтобы Богъ избавилъ его отъ навязчиваго Киркпатрика.

Скоро возвратился его другъ и объявилъ, что Артуръ ожидаетъ его въ своей комнатѣ для объясненій. Капитанъ долженъ былъ написать вызовъ Артуру. Онъ намекалъ, что помирится съ Артуромъ въ случаѣ, если тотъ будетъ просить извиненія у него.

— Извиненіе! извиненіе въ томъ, что онъ сшибъ васъ съ ногъ, вскричалъ Киркпатрикъ; прошу извинить меня, милостивый государь, я не могу передать ваше порученіе.

— Однако, добрый другъ, онъ такъ молодъ, еще совершенное дитя, — сказалъ мягкимъ голосомъ Грэмби.

— Дитя, которое въ состояніи дать такой ударъ, должно считаться уже взрослымъ человѣкомъ.

Записка была переписана (теперь уже подъ диктовку Киркпатрика); тонъ ея былъ рѣшительный, такъ что капитанъ окончательно убѣдился въ необходимости бѣжать, какъ можно скорѣе, чтобы не быть цѣлью, надъ которою Артуръ показалъ бы свою ловкость.

Возвратимся къ Артуру. Онъ сидѣлъ у Руссо, ожидая вызова капитана Грэмби, между тѣмъ Руссо отправился испросить Артуру отстрочку отпуска и сказать Фридриху Стэнли, что нѣкоторыя дѣла мѣшаютъ Артуру вернуться на бригъ вмѣстѣ съ нимъ.

Оставленный одинъ, Артуръ задумался. Что же за мысли тѣснились въ его головѣ? Были ли онѣ также отважны, какъ его поступокъ съ капитаномъ Грэмби, и льстили ли онѣ его самолюбію? Нѣтъ; далеко отъ этого! Онъ былъ теперь весь въ воспоминаніи: припоминались ему милые, дорогіе образы, слышались знакомые звуки голоса, однимъ словомъ выкапывалось все знакомое, и воображеніе его собирало вокругъ него всѣ существа, жизнь съ которыми представлялась ему теперь блаженствомъ. Какъ жить-то захотѣлось ему! Прошлое казалось ему свѣтлѣе, дороже обыкновеннаго, могила — страшнѣе, а вѣчность... Но тутъ онъ уже не могъ продолжать свои мысли, не смѣлъ взглянуть за гробъ... Опять мысли земныя, опять страхъ разстаться на всегда съ землею. Вспомнилъ онъ свой домъ, мать, которая его такъ нѣжно любила, какъ она отпустила его отъ себя безъ ропоту, по первому его желанію, которая теперь, думалъ онъ, живетъ только одною надеждою на его возвращеніе. И эту надежду онъ готовился разрушить!.. Живо представлялась ему минута прощанія съ матерью: его голова лежитъ на ея груди и онъ чувствуетъ слезы, капающія на него изъ глазъ ея.

Артуръ закрылъ лицо руками и громко застоналъ. Но вдругъ онъ вскочилъ со стула.

— Прочь сожалѣнія! для кого-же все это я дѣлаю? для Фридриха! Развѣ онъ не заслужилъ этого, рискуя своею жизнью, чтобы спасти меня? Но его жизни развѣ угрожаетъ опасность? О! еще болѣе: опасность грозитъ его чести... Да можетъ ли страдать его честь отъ какого нибудь капитана Грэмби?.. Если можетъ страдать, то не стоитъ ее и охранять...

— Но я оскорбилъ капитана... Что скажетъ свѣтъ, если я откажусь принять его вызовъ... А-а-а! что скажетъ свѣтъ? Трусъ: боюсь насмѣшекъ его... въ такомъ случаѣ слѣдуетъ мнѣ быть его рабомъ и повиноваться властелину, который надѣваетъ цѣпи не на руки и ноги, а на духъ... А, вотъ... Въ эту минуту послышался стукъ въ двери. Артуръ принялъ такой спокойный видъ, который обманулъ бы самаго бдительнаго наблюдателя, и отворилъ дверь.

— Мистеръ Киркпатрикъ, — доложилъ лакей.

— Проси!

Киркпатрикъ вошелъ и, подавъ съ церемонною вѣжливостью записку, сталъ слѣдить за выраженіемъ лица Артура, пока тотъ читалъ ее. Лицо не выдало Артура. Кромѣ легкаго поднятія губъ, все было покойно.

— Прошу садиться, сказалъ Артуръ, кончивъ чтеніе. Скоро вернется Руссо и вы поговорите съ нимъ объ условіяхъ дуэли, которая только и можетъ быть моимъ отвѣтомъ на эту записку.

Вошелъ Руссо и сразу догадался, зачѣмъ пришелъ Киркпатрикъ. Артуръ подалъ ему записку и, когда тотъ ее прочелъ, сказалъ:

— Я говорилъ мистеру Киркпатрику, что вы условитесь съ нимъ на счетъ дуэли; я со своей стороны предлагаю одно условіе относительно времени, чтобы было какъ можно скорѣе, хотя сегодня вечеромъ. Вы знаете, что я не могу распоряжаться своимъ временемъ совершенно свободно, такъ какъ бригъ можетъ отплыть ежеминутно. Во всемъ остальномъ я отдаюсь въ ваши руки.

Артуръ удалился въ другую комнату. Хотя онъ остался одинъ, но прежнія мысли уже не возобновлялись. Не было уже болѣе сомнѣній... онъ рѣшился. Артуръ сдѣлалъ послѣдній шагъ и болѣе не колебался. Онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы отстранить отъ себя прежнія мысли; и это ему удалось, по крайней мѣрѣ онъ смѣло отвернулся отъ всякаго воспоминанія, которое могло разстроить его нервы.

Вошелъ Руссо.

— Когда? спросилъ Артуръ.

— Завтра утромъ на противоположномъ берегу рѣки, отвѣчалъ Руссо.

— Не ранѣе завтрашняго утра,—сказалъ Артуръ съ недовольнымъ видомъ.

— Нельзя иначе, Месонъ, потому что солнце уже садится, и будетъ темно, пока мы соберемся.

— Ну, нечего дѣлать!

— Не нужно ли еще чего нибудь? — спросилъ Руссо.

— Нѣтъ, я сказалъ, что въ остальномъ я полагаюсь на васъ. На пистолетахъ, я полагаю?

— Да.

Послѣдовало минутное молчаніе.

— Пойдемъ, Руссо, сказалъ Артуръ, — узнаемъ чѣмъ кончились выборы.

Мистеръ Манверсъ былъ выбранъ большинствомъ голосовъ. Поздравивъ его, Артуръ отправился съ Руссо въ театръ. Но представленіе показалось ему монотоннымъ и онъ предложилъ отправиться въ гостинницу, чтобы заказать тамъ ужинъ за успѣхъ мистера Манверса. Руссо охотно согласился на это предложеніе.

Далеко за полночь пропировали они въ гостинницѣ. Пѣсни и шутки Артура оживляли все общество. По возвращеніи домой, онъ немедленно легъ спать. Мы не знаемъ, спалъ ли онъ, но съ разсвѣтомъ онъ былъ уже на ногахъ и разбудилъ своего друга. Когда они выходили изъ дому, Руссо спросилъ его нерѣшительно:

— Вы ничего не хотите поручить мнѣ, Месонъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, сказалъ Артуръ, спѣша, впередъ:— Стэнли сдѣлаетъ все, что нужно. Скажите ему, — прибавилъ онъ, — что я уважаю его больше, чѣмъ когда либо, и желалъ бы быть похожимъ на него; но не стоитъ теперь уже думать объ этомъ.

Скоро они очутились на берегу рѣки. Ихъ ожидала лодка, они отчалили въ ту минуту, когда на востокѣ только-что показывалось солнце.

На лицѣ Артура не было блѣдности; оно было совершенно спокойно. „Какой неустрашимый духъ,“ сказалъ Руссо. Еслибъ онъ могъ видѣть борьбу Артура съ самимъ собою, когда онъ, удрученный воспоминаніями, не смѣлъ смотрѣть на будущую свою судьбу, — тогда онъ могъ бы справедливо сказать, „какая храбрость, какія желѣзные нервы.“

Смѣлость и желѣзные нервы, составляютъ принадлежность и льва и тигра, но сильная воля — принадлежность одного человѣка, да и въ немъ-то встрѣчается очень рѣдко. Одинъ человѣкъ можетъ, начертавши себѣ путь жизни, неуклонно идти по немъ, не смотря ни на угрозы, ни на смѣхъ окружающихъ.

Но какъ провелъ эту ночь капитанъ Грэмби? Припомните, онъ хотѣлъ бѣжать изъ Нью-Орлеана, куда глаза глядятъ. Къ несчастью, ему этого не удалось сдѣлать, потому что его внимательный другъ Киркпатрикъ, не оставлялъ его ни на минуту.

. Когда капитанъ Грэмби писалъ вызовъ, въ его манерѣ было что-то подозрительное, возбудившее недовѣріе въ Киркпатрикѣ къ храбрости своего друга. Но честь, которую онъ взялъ подъ свое покровительство, должна была выдержать всѣ испытанія, и потому онъ стерегъ своего смущеннаго друга такъ бдительно, какъ ни одинъ часовой не стережетъ плѣнника. Онъ ѣлъ, пилъ, спалъ съ нимъ вмѣстѣ. Не надѣясь, какъ мы уже сказали, на храбрость своего друга, онъ до того подпоилъ его, что тотъ погрузился въ непробудный сонъ. На слѣдующее утро онъ опять приготовилъ вина, чтобы хоть сколько нибудь возбудить храбрость въ упавшемъ духомъ капитанѣ.

Но все это едва ли помогло, еслибы не угрожающее выраженіе лица Киркпатрика, которое говорило капитану ясно, точно словами: „вы деретесь съ нимъ или со мною, выбирайте.“

Такимъ образомъ капитанъ долженъ былъ по неволѣ драться.

Во время переправы чрезъ рѣку, Киркпатрикъ много училъ и бранилъ своего друга и успѣлъ такъ ловко внушить ему, что чего

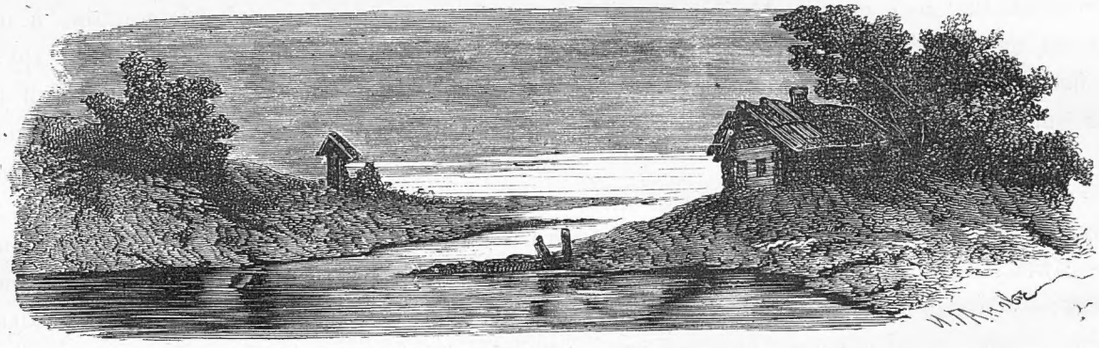
нельзя избѣгнуть, то лучше исполнить добровольно, и капитанъ началъ чувствовать рѣшимость, которая бываетъ у ребенка, если ему предлагаютъ рвотнаго и онъ, видя необходимость его проглотить, принимаетъ изъ собственныхъ рукъ. Такъ что на мѣстѣ, назначенномъ для дуэли, капитанъ на столько оправился, что только блѣдность лица и нетвердость движенія, могли выдать малодушный страхъ, овладѣвшій его душею. Но все это могло быть приписано разгулу, въ которомъ была проведена ночь, и раннему пробужденію.

Капитанъ втайнѣ ласкалъ себя слабою надеждою, что Артуръ извинится; при взглядѣ же на Артура, лицо котораго выражало непоколебимую рѣшимость, — и эта послѣдняя надежда исчезла.

Мы не остановимся на подробностяхъ сцены убійства, допускаемаго законами общества, если не законами страны, потому что перо не двигается описывать эту гадкую сцену. И такіе люди, какъ капитанъ Грэмби, считаются храбрыми, если выдержатъ до конца свою низкую роль! О, свѣтъ! Артуръ твердою рукою поднялъ пистолетъ, но какая-то жалость не позволила ему хорошенько прицѣлиться и выстрѣлъ пошелъ на воздухъ.

Капитанъ Грэмби ничего не видѣлъ передъ собой, когда ему пришлось стрѣлять; рука его дрожала, и онъ безсознательно спустилъ курокъ. Раздался выстрѣлъ и... Артуръ упалъ.

(Продолженіе будетъ.)



Редакторъ-издательница М. Ростовская.

Дозволено цензурою, 6-го сентября 1869 г. С.-Петербургъ, типографія Майкова, въ д. Мин. Финан., на Дворц. площади.